

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**Рабочим нечего терять,
кроме своих цепей,
приобретут же они
целый мир.**

Манифест Коммунистической
партии

ЧИТАЙТЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

С. Зубатов

**СОСТОЯНИЕ
СОВРЕМЕННОГО
ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ
В ПЕРВОМ МИРЕ**

СТР. 2 - 13

Ю. Михайлович

О ГОСУДАРСТВЕ

СТР. 14 - 23

В. Подгузов

**ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ
ТЕОРИИ
ЭЙНШТЕЙНА**

СТР. 24 - 40

А. Каллистов

**КАК НАДО
СТРОИТЬ
КОММУНИЗМ?**

СТР. 41 - 46

Дж.М. Нейтек

**ОБ ОТНОШЕНИИ
К ВЕРУЮЩИМ**

СТР. 47 - 48

По материалам сайтов

**ЖЕРТВЫ
ВЕЛИКОГО ПОСТА**

СТР. 49

СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРВОМ МИРЕ

С. Зубатов

ВВЕДЕНИЕ

Если попытаться выразить это состояние в двух словах, то следует сказать: «разброд и шатание», которые неизмеримо усилились после крушения социализма в Советском Союзе. До этого, по крайней мере, в каждой стране была одна «официальная» компартия, служившая своего рода «эталоном» (пусть и весьма ущербным) «левизны», сегодня же всевозможные «компартии» размножаются как тараканы на коммунальной кухне — и это, даже не считая всех прочих «левых», именующих себя не «коммунистами», а «марксистами» или ещё как-нибудь иначе.

Сложившаяся ситуация в определённом смысле парадоксальна, если вспомнить, что название *коммунистическая* было в своё время выбрано для партий Третьего Интернационала именно для того, чтобы выделить их из аморфной среды социал-демократии, которая к этому моменту уже в значительной степени утратила соответствие своему названию — *социалистической демократии*, превратившись в разношёрстный конгломерат буржуазных партий «левого толка» и разной степени радикальности.

Но, если вдуматься, то ничего парадоксального в сложившейся ситуации в действительности нет: переименование социалистической демократии в коммунизм, вызванное разложением существующих социал-демократических партий, разумеется, не могло остановить самого процесса разложения. В период существования Коминтерна процесс этот был в значительной степени заторможен, однако после его распада, пошёл уже полным ходом.

Фактически, ближе к концу существования СССР, единственным, что удерживало «компартии» первого мира от полного отказа от коммунистических принципов, была их зависимость от советских финансовых дотаций, когда же пос-

ледние прекратились, у «компартий» этих отпала уже последняя необходимость оставаться коммунистическими в чём-либо кроме названия. Приходится признать, что действительно коммунистических партий сегодня в первом мире просто не существует и незачем себя обманывать, глядя на обилие всевозможных «компартий» с уточнителями в скобках и без скобок: «марксистская», «марксистско-ленинская», «маоистская», «революционная», «рабочая», «диктатуры пролетариата» и т.п.

Объясняется столь плачевная ситуация достаточно элементарно: существование *массовых* компартий в странах первого мира сегодня невозможно, поскольку для них попросту нет достаточной социальной базы. Но об этом мы поговорим подробнее несколько позже, а пока остановимся на том, почему об этом вообще стоит говорить. Казалось бы, ну нет социальной базы — и чёрт с ним, займёмся компартиями там, где такая база есть. К сожалению, подход этот неудовлетворителен тем, что игнорирует то *влияние*, которое оказывают западные «компартии» на левое движение в целом. Когда-то, как уже было сказано, КПСС (уж какая убогая и выродившаяся она ни была) оказывала решающее влияние на всё мировое коммунистическое движение, и влияние это было, если и не столь благотворным, как хотелось бы, но, по крайней мере, не тлетворным. Сегодня же подавляющее большинство левых организаций мира попало в большую или меньшую зависимость от своих западных «собратьев»: фактически, именно от последних в значительной степени зависит, как будет представлена та или иная партия третьего мира — как «коммунистическая» или как «фашистская» — в глазах «прогрессивной мировой общественности». А это — моральная (а иногда и материальная) поддержка, лучшие условия для коммуникации с другими организациями, воз-

возможность для руководства ездить (часто за счёт зарубежных «спонсоров») на разного рода «саммиты» и прочие культурно-развлекательные мероприятия «левых сил» и т.п. Всё это делает западную «левую среду» отнюдь не столь безобидной, какой она может показаться на первый взгляд. Она не просто разложилась сама, она занимается активным разложением других, более здоровых сил мира.

Каковы же основные черты, определяющие сегодня оппортунистическое лицо левого движения в первом мире? Это, прежде всего, *социал-шовинизм*, (якобы «марксистский») *экономический догматизм*, *буржуазный либерализм*, а также *утопизм* и вытекающая из него практика т.н. *политического активизма*. Подробным рассмотрением каких-либо аспектов мы сейчас и займёмся.

1. СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ

Этимологическая справка

Слово «шовинизм» происходит от имени Николая Шовена, героя пьесы братьев Теодора и Ипполита Коньяр «Трёхцветная кокарда», слепо и фанатично преданного Наполеону и «делу великой Франции». Обычно шовинизм определяется как «избыточный или слепой патриотизм», «ложный патриотизм» — имея в виду при этом, что в самом патриотизме, как таковом, нет ничего плохого кроме хорошего и лишь известные эксцессы превращают его в свою моральную противоположность. В чём же конкретно заключаются эти эксцессы? В статье «Империализм, патриотизм и право наций на самоопределение»^{*} мы уже разобрали политическую сущность патриотизма, на этот раз взглянем на него с несколько другой стороны.

Этическая справка

Патриотизм часто определяют как «любовь к родине». Вопрос, однако, в том, что именно мы понимаем под словом «любовь» в данном контексте. А чтобы понять это, рассмотрим вопрос несколько шире.

Хорошо ли любить себя? В смысле — заботиться о собственном здоровье, хорошо питаться, одеваться, улучшать своё жилище и т.п. По видимому, ничего плохого в этом нет, и даже есть

много хорошего, но при одном неизменном условии: если всё это не идёт во вред окружающим, семье в частности. Ну, действительно, разве кто назовёт хорошим человека, который помыкает женой (мужем), не заботится о детях и т.д.? Разумеется — нет, хороший человек любит свою семью, заботится о ней, даже, бывает (и часто), в ущерб себе.

Да, но достоин ли уважения человек, который ради своей семьи наплюёт на интересы своих друзей и знакомых, своего народа, предаст их ради материальных или каких-либо иных выгод? Тоже нет: порядочный человек думает о других, соразмеряет свои семейные интересы с общественными и (тоже нередко) вынужден жертвовать интересами семьи ради более высоких интересов общества (рабочего коллектива, микрорайона, города) или нации. В последнем случае поведение такого порядочного человека называется патриотическим, а сам он — патриотом.

Что мы видим на всех этих примерах? Что это прекрасно, когда человек любит кого-то, проявляет заботу о ком-то, кого он считает «своими» — но лишь до тех пор, пока он делает это за счёт *личных жертв*, или, жертвуя интересами какого-то более узкого, «более своего» круга, но не тогда, когда подобная любовь осуществляется за счёт предательства интересов более широкого, «менее своего» круга. Особенно если учесть, что на деле подобная «любовь и забота» часто оказывается заботой лишь о самом себе: кому не знакома (из литературы, а то и из личной жизни) ситуация, когда кто-нибудь из членов семьи постоянно обвиняет других в пренебрежении семейными узами, требует от них совершения бесчестных поступков «ради семейного блага» — почему? Потому что таким образом он блюдет свои собственные эгоистические интересы, заставляет семью работать на себя — в ущерб, как другим членам семьи, так и окружающим. И кому не знакома ситуация, когда «патриотическая буржуазия» призывает народ «перед лицом трудностей» сплотиться, затянуть пояс, пойти на жертвы «ради интересов отечества» — *каких* интересов? Да её же, буржуазии, и интересов. Буржуазии, которой — несмотря на весь её «патриотизм» — почему то ни на секунду даже в голову не приходит ограничить по причине

* Полный текст статьи С.Зубатова «Империализм, патриотизм и право наций на самоопределение» можно прочитать в журнале «Прорыв» №3 (9) 2004 или на нашем сайте www.proriv.ru

вставших перед нацией трудностей уровень **своего** потребления, **самой** перейти на хлеб и воду, раздать обнищавшему народу **свои** вещи, вместо того, чтобы призывать его «патриотически нищать» и дальше ради того, чтобы «патриотическая буржуазия» могла пережить период трудностей без малейших жертв со своей стороны.

Так где же кончается «правильный» и начинается «избыточный» патриотизм — шовинизм? Именно здесь: когда ради интересов отечества человек вместо своих собственных интересов и интересов своей семьи начинает жертвовать интересами других народов, когда он отказывается **жертвовать своими национальными интересами** ради интернациональных интересов всего человечества, когда вместо альтруизма жертвенности он демонстрирует групповой эгоизм пренебрежения чужими интересами ради процветания собственной группы (нации), а вместе с ней — своей семьи и себя самого.

Историко-политическая справка

Из сказанного выше становится понятно, что такое социал-шовинизм: это — оппортунистическое течение в левом движении, базирующееся на идеологии шовинизма — т.е. на предательстве интересов пролетариата других стран — и, соответственно, классовых интересов пролетариата в целом — ради достижения своих собственных, узконациональных интересов в союзе с другими (т.е. с эксплуататорскими) классами.

а) Социал-шовинизм

во времена Маркса и Энгельса

Разумеется, для того, чтобы национальному пролетариату (или только какой-либо его части) вступить в союз с национальной буржуазией, ещё недостаточно одного лишь горячего желания пролетариата, необходимо, чтобы и буржуазия тоже видела в этом какие-то преимущества для себя. Плюс к тому, она должна обладать и достаточным (по сравнению с буржуазией других стран) избытком прибыли, позволяющим ей без большого ущерба для себя подкупить те части национального пролетариата, которые она считает целесообразным.

Единственной страной, которая могла позволить себе подобное во времена Маркса и Энгельса была Англия, обладающая на тот момент практически монополией на колониальную эксплуатацию. Вот как описывает Ленин ситуацию того

времени в статье «Империализм и раскол социализма»*, ссылаясь на многочисленные свидетельства очевидцев:

В письме к Марксу от 7 октября 1858г. Энгельс писал: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело, в конце концов, до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно».

Не стоит удивляться, что подобные «несовременные мысли», «сеющие раскол в рядах мирового пролетариата», были встречены в штыки тогдашними оппортунистами, которые меньше всего хотели быть отсечёнными от рабочего движения. Ведь они как раз напротив, собирались **вести** его!

В письме к Зорге от 21 сентября 1872 г. Энгельс сообщает, что Хэйлз (Hales) поднял в федеральном совете Интернационала великий скандал и провёл вотум порицания Марксу за его слова, что «английские рабочие вожди продались». Маркс пишет к Зорге от 4 августа 1874 г.: «Что касается городских рабочих здесь (в Англии), то приходится пожалеть, что вся банда вождей не попала в парламент. Это был бы вернейший путь к освобождению от этой сволочи».

Наблюдая лишь начальные фазы зарождения феномена социал-шовинизма, Маркс и Энгельс, безусловно, ещё не могли оценить это новое явление в его полном объёме, однако и они уже оказались в состоянии понять его основные характеристики. И, прежде всего то, что социал-шовинизм, строго говоря, **не** является пролетарской идеологией, что в действительности он является лишь специфической **буржуазной** политикой, направленной на подавление рабочей борьбы путём подкупа рабочих вождей, а также определённых, наиболее организованных и боевых сегментов пролетариата. Фактически, пролетариату (в лице указанных групп) было предложено *политическое признание* его претензий, была осуществлена попытка направить рабочее

* Полные тексты некоторых статей Ленина, Маркса и Энгельса, на которые ссылается автор статьи, можно найти в разделе «Библиотека» нашего сайта www.proriv.ru

движение в русло «конструктивного диалога», превратить его в **часть буржуазной политической системы**, не допустить его усиления до уровня, когда оно сможет **разрушить** систему:

7-го декабря 1889 г. Энгельс пишет Зорге: ... «Самое отвратительное здесь (в Англии) — перешедшая рабочим в плоть и кровь буржуазная «почтенность» (respectability) ... даже Том Манн, которого я считаю наилучшим из всех, говорит охотно о том, что он будет завтракать с лордом-мэром. Когда сравниваешь с этим французов, — видишь, что значит революция».

Безошибочно распознали классики и основную организационную структуру, которую буржуазия будет использовать для контроля рабочего движения:

Энгельс говорит в письме к Марксу от 11 августа 1881 г. о «худших английских тред-юнионах, которые позволяют руководить собой людям, купленным буржуазией или, по крайней мере, оплачиваемым ею».

Что, конечно, не означает, что Энгельс к этому времени разочаровался в профсоюзах и перестал признавать их ключевую роль в рабочем движении. Что мы видим здесь — это диалектический подход к явлению профсоюзного движения, рассмотрение его в развитии и конкретной исторической ситуации, которая и определяет прогрессивный или реакционный характер их деятельности.

б) Социал-шовинизм во времена Ленина

Надеждам классиков на полный уход этого явления с политической арены мира по мере ликвидации колониальной монополии Англии, однако, не суждено было сбыться. Полстолетия спустя, Ленин был вынужден признать, что социал-шовинизм не только продолжает жить и здравствовать, отравляя рабочее движение, но и в принципе не может исчезнуть в обозримом будущем:

Первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха, популярный оратор, умеющий говорить какие-угодно, даже ррреволюционные речи перед ра-

бочей аудиторией, способный проводить изрядные подачки послушным рабочим в виде социальных реформ (страхование и т.п.), Ллойд-Джордж служит буржуазии великолепно и служит ей именно среди рабочих, проводит её влияние именно в пролетариате, там, где всего нужнее и всего труднее морально подчинить себе массы.

А велика ли разница между Ллойд-Джорджем и Шейдеманами, Легинами, Гендерсонами и Гайндманами, Плехановыми, Реноделями и Ко? Из последних, возразят нам, некоторые вернутся к революционному социализму Маркса. Это возможно, но это — ничтожная разница в степени, если брать вопрос в политическом, т.е. массовом масштабе. Отдельные лица из нынешних социал-шовинистских вождей могут вернуться к пролетариату. Но течение социал-шовинистское или (что то же) оппортунистическое не может ни исчезнуть, ни «вернуться» к революционному пролетариату.

И тут же он отметил один из основных тактических приёмов, используемых оппортунистами всех мастей для дезориентации рабочих:

Где популярен среди рабочих марксизм, там это политическое течение, эта «буржуазная рабочая партия», будет клясться и божиться именем Маркса. Запретить им этого нельзя, как нельзя торговой фирме запретить употребление любого ярлыка, любой вывески, любой рекламы*. В истории всегда бывало, что имена популярных среди угнетённых классов революционных вождей после их смерти враги их пытались присвоить себе для обмана угнетённых классов.

События подготовки и начала Первой Мировой войны наглядно продемонстрировали ту степень влияния, которую приобрёл социал-шовинизм в среде социал-демократии, когда практически все наиболее видные её лидеры в развитых странах перешли на позиции поддержки «своих» правящих классов. Вот как описывает

*С тех пор, правда, буржуазия решила вопрос «недобросовестного» использования коммерческих торговых марок и прочей «интеллектуальной собственности» такого рода, но это решение ни в малейшей степени не затронуло «прав» оппортунистов на «политические марки».

Ленин эти события в статье «Крах Второго Интернационала»:

Совершенно очевидно, что основное идейно-политическое содержание социал-шовинизма вполне совпадает с основами оппортунизма. Это — **одно и то же** течение. Оппортунизм в обстановке войны 1914–1915 года и даёт социал-шовинизм. Главное в оппортунизме есть идея сотрудничества классов. Война доводит до конца эту идею, присоединяя притом к обычным факторам и стимулам её целый ряд экстраординарных, принуждая обывательскую и раздробленную массу к сотрудничеству с буржуазией особыми угрозами и насилем: это обстоятельство, естественно, увеличивает круг сторонников оппортунизма, вполне объясняя переметы в нём многих вчерашних радикалов в этот лагерь.

Оппортунизм есть принесение и жертву временным интересам ничтожного меньшинства рабочих коренных интересов массы или, иначе, союза части рабочих с буржуазией против массы пролетариата. Война делает такой союз особенно наглядным и принудительным. Оппортунизм порождался в течение десятилетий особенностями такой эпохи развития капитализма, когда сравнительно мирное и культурное существование слоя привилегированных рабочих «обуржуазивало» их, давало им крохи от прибылей своего, национального капитала, отрывало их от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой и нищей массы. Империали-

стская война есть прямое продолжение и завершение такого положения вещей, ибо это есть война за **привилегии** великодержавных наций, за передел колоний между ними, за господство их над другими нациями. Отстоять и упрочить своё привилегированное положение «высшего слоя» мещан или аристократии (и бюрократии) рабочего класса — вот естественное продолжение мелкобуржуазно-оппортунистических надежд и соответственной тактики во время войны, вот экономическая основа социал-империализма наших дней.

Ситуация лишь ухудшилась после окончания войны. В тезисах об основных задачах Второго Конгресса Коминтерна Ленин писал:

Одна из главных причин, затрудняющих революционное рабочее движение в развитых капиталистических странах, состоит в том, что, благодаря колониальным владениям и сверхприбылям финансового капитала и т.п., капиталу удалось здесь выделить сравнительно более широкий и устойчивый слой небольшого меньшинства рабочей аристократии.

Она пользуется лучшими условиями заработка и больше всего пропитана духом цеховой узости, мещанскими и империалистскими предрассудками. Это — настоящая социальная «опора» II Интернационала, реформистов и «центровиков», а в данный момент это — едва ли не главная социальная опора буржуазии.

И далее Ленин подчёркивает безусловную необходимость непримиримой борьбы с этой тенденцией и её носителями:

Никакая даже предварительная подготовка пролетариата к свержению бур-

жуазии невозможна без немедленной, систематической, широкой, открытой борьбы с этим слоем, который, несомненно, — как это вполне уже доказано опытом, — поставит не мало элементов для буржуазной белой гвардии после победы пролетариата.

в) Социал-шовинизм

в годы перед

II Мировой войной

Маркс и Энгельс ошиблись в своих прогнозах потому, что считали колониальную эксплуатацию лишь временным, нехарактерным для капитализма явлением, которое достаточно быстро приведёт к созданию в колониях собственной промышленности, выравниванию уровней развития и, соответственно, ликвидации условий, позволяющих буржуазии развитых стран подкупать «свой» пролетариат. Ленин, имея возможность наблюдать империалистическую стадию капитализма и её тенденцию к формированию экономики колоний как *дополнительной экономики*, которая если и не навсегда, то очень надолго будет находиться в подчинённом отношении к экономике метрополий, избежал этой ошибки и уже рассматривал появление рабочей аристократии и «обретение отечества», по крайней мере, какой-то частью пролетариата развитых стран как явление постоянное, а не временное. Тем не менее, и ему не удалось оценить всей полноты явления социал-шовинизма.

Где бы ни говорил Ленин о рабочей аристократии, он всегда особо подчёркивал, что она представляет из себя меньшинство рабочего класса. И это было действительно так — во времена Ленина. Который рассчитывал, что это положение сохранится навсегда. В первой из упомянутых нами статей Ленин цитирует следующее, блестяще подтвердившееся сегодня по большинству своих пунктов, предвидение буржуазного экономиста, однако не придаёт ему, как таковому, большого значения, используя его лишь для демонстрации того уровня убожества «марксистской» мысли, который был свойственен идеологам социал-шовинизма того времени:

Перспектива раздела Китая вызвала у Гобсона такую экономическую оценку: «Большая часть Западной Европы могла бы тогда принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами и населён-

ные богачами места Италии и Швейцарии, именно: маленькие кучки богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев, и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой окончательной отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы, как дань, из Азии и из Африки». «Вот какие возможности открывает перед нами более широкий союз западных государств, европейская федерация великих держав: она не только не двигала бы вперед дела всемирной цивилизации, а могла бы означать гигантскую опасность западного паразитизма: выделить группу передовых промышленных наций, высшие классы которых получают громадную дань с Азии и с Африки и при помощи этой дани содержат большие приручённые массы служащих и слуг, занятых уже не производством массовых земледельческих и промышленных продуктов, а личным услужением или второстепенной промышленной работой под контролем новой финансовой аристократии. Пусть те, кто готов отмахнуться от такой теории» (надо было сказать: перспективы) «как незаслуживающей рассмотрения, вдумаются в экономические и социальные условия тех округов современной южной Англии, которые уже приведены в такое положение. Пусть они подумают, какое громадное расширение такой системы стало бы возможным, если бы Китай был подчинён экономическому контролю подобных групп финансистов, «поместителей капитала» (рантье), их политических и торгово-промышленных служащих, выкачивающих прибыли из величайшего потенциального резервуара, который только знал когда-либо мир, с целью потреблять эти прибыли в Европе. Разумеется, ситуация слишком сложна, игра мировых сил слишком трудно поддаётся учёту, чтобы сделать очень вероятным это или любое иное истолко-

вание будущего в одном только направлении. Но те влияния, которые управляют империализмом Западной Европы в настоящее время, двигаются в этом направлении и, если они не встретят противодействия, если они не будут отвлечены в другую сторону, они будут работать в направлении именно такого завершения процесса».

В каком-то смысле Ленин совершил ту же ошибку, за которую он пенял Каутскому: но если Каутский не понимал, что империализм — это не «произвольный выбор» буржуазии, а **необходимое условие** существования современного им капитализма, позволяющее говорить о нём именно как о *стадии*, а не политике — лишь одной из целого ряда возможных, то сам Ленин не понял, что социал-шовинизм — это не просто явление, порождённое империализмом, а точно так же: **необходимое условие** его существования. Чуть ниже он пишет:

*На эту экономическую, наиболее глубокую, связь именно империалистской буржуазии с победившим ныне (надолго ли?) рабочее движение **оппортунизмом** мы указывали неоднократно, не только в статьях, но и в резолюциях нашей партии.*

Как видим, Ленин вслед за Марксом рассчитывает если и не на полное исчезновение социал-шовинизма, то, по крайней мере, на возможность его *преодоления*, как доминирующей формы идеологии. Он «отчитывает» Гобсона:

*Социал-либерал Гобсон не видит того, что это «противодействие» может оказать **только** революционный пролетариат и **только** в виде социальной революции. На то он и социал-либерал!*

И, безусловно, отчитывает совершенно справедливо, однако сам при этом не понимает того, что буржуазия не просто «не может» оказать противодействия реализации описанного Гобсоном сценария, но и **активно не хочет** такого противодействия, что социал-шовинизм из политики «использования подворачивающихся возможностей» (т.е. «оппортунизма» в строгом смысле этого слова) **пролетариатом**, на которую буржуазия соглашается, поскольку это для неё *удобно*, постепенно превращается в политику **буржуазии**, поскольку следование этой политике является *необходимостью* для её (буржуазии)

дальнейшего господства.

Двоякого рода обстоятельства ослабляли, по мнению Гобсона, силу старых империй: 1) «экономический паразитизм» и 2) составление войска из зависимых народов. «Первое обстоятельство есть обычай экономического паразитизма, в силу которого господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными». Относительно второго обстоятельства Гобсон пишет:

«Одним из наиболее странных симптомов слепоты империализма» (в устах социал-либерала Гобсона эти песенки о «слепоте» империалистов уместнее, чем у «марксиста» Каутского) «является та беззаботность, с которой Великобритания, Франция и другие империалистские нации становятся на этот путь. Великобритания пошла дальше всех. Большую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением её южной части, проведены для нас туземцами».

Уместно или нет «в устах социал-либерала» всё сказанное, но, в конце концов, вышло так, что г-да империалисты его таки «послушали». «Прозрели», так сказать: неадекватность туземных армий в *новых* условиях стала очевидна. Что же это были за «новые условия»? Да именно те, о которых Ленин и писал: наступление эпохи империализма, когда армия национальному правящему классу нужна уже не столько для того, чтобы *поработать колонии* — т.е. воевать против заведомо более слабых, что можно осуществить путём подкупа лишь незначительной части туземного населения, сколько для того, чтобы *защитить колонии* от посягательств со стороны **других империалистов** — т.е. воевать против равного, для чего (в условиях стремительного развития огнестрельного оружия) начали требоваться огромные армии, состоящие из **лояльных** представителей низших классов «основного» населения.

Ленин очень рассчитывал на лозунг: «Превратим империалистическую войну в войну гражданскую!» Это был действительно **очень** хороший лозунг. К сожалению, как наглядно показал опыт Первой Мировой, он оказался *слишком* хорош и буржуазия развитых стран просто не могла себе позволить ещё раз чуть не поголовно вооружить своё население самыми современными образцами оружия, не обеспечив предварительно его безусловной лояльности, не дав пролетариату своих стран *действительного*, а не вымышленного одной лишь патриотической пропагандой, отечества.

Две страны наиболее выделились в этом отношении в процессе подготовки ко Второй Мировой войне. Это, во-первых, инициировавшая войну фашистская Германия, а во-вторых, выигравшие больше всех в этой войне Соединённые Штаты Америки. Германский национал-социализм и американский Новый Курс очень разнятся между собой в политическом отношении, однако практически идентичны в отношении классовом: и то, и другое является своеобразной формой «буржуазного социализма» (и это неудивительно, что некоторые из европейских государств, пошедших после войны по американскому пути ещё дальше самой Америки, стали называться в некоторых кругах «социалистическими») — т.е. обществами *классового мира*, основанного на *социальном партнёрстве* в эксплуатации внешних, по отношению к нации, угнетённых классов. При этом правящая национальная буржуазия уже не «идёт на уступки под давлением пролетариата», а напротив — сама настаивает на подобных переменах, социал-шовинизм из политики верхнего (обуржуазившегося) слоя пролетариата, ищущего союза с правящим классом, превращается в официальную политику **самого** правящего класса.

Почему Ленин просмотрел этот вариант, тем более, что он, как мы выяснили, прекрасно знал о подобных прогнозах? Повидимому потому, что он к этому моменту всё ещё был под слишком большим впечатлением классической марксистской модели *национальной* классовой экономики, которая либо полностью игнорировала существование колониальной экономики, либо, в лучшем случае, рассматривала её как «параллельную» экономику, не оказывающую существенного влияния на функционирование экономики метрополий? Ленин, в отличие от Маркса, видел это влияние, однако учитывал его лишь во *внешнеполитическом* плане, полностью игнори-

руя (или сильно недооценивая) его ключевой роли именно в отношении *внутренней политики* империалистических государств. Не надо быть математическим гением для того, чтобы сообразить, что буржуазия действительно в состоянии подкупить — т.е. превратить в рабочую аристократию — лишь относительно небольшой сектор рабочего класса. Но не надо быть гением и для того, чтобы увидеть, что низшие классы империалистических государств как раз и представляют из себя относительно небольшой сектор угнетённых классов нашей планеты в целом. Т.е. чисто теоретически империалистическая буржуазия была вполне в состоянии подкупить **весь** «свой» пролетариат — и Ленин не мог не видеть этого. Чего он, похоже, действительно не видел, так это что буржуазия будет **вынуждена** пойти на подкуп такого масштаба.

г) Социал-шовинизм в послевоенные годы

В этот период было завершено начатое перед войной «обуржуазивание» рабочего класса развитых капстран. Основанные на эксплуатации «развивающихся» стран американские «золотые пятидесятые» и приобщение посредством Плана Маршалла к участию в этих прибылях Западной Европы (а позже и Японии) окончательно зафиксировали факт разделения капиталистической части мира на «первый» и «третий», на мир рабочей аристократии и мир эксплуатируемого пролетариата. Это окончательное разделение привело к целому ряду важных последствий:

- Во-первых, к постепенной ликвидации сначала в Северной Америке, а затем и в остальных странах первого мира социальной базы для действительно марксистских движений. Что привело к сперва к резкому падению влияния западных компартий, а затем — уже к полному переходу того, во что они, в конце концов, превратились, на позиции социал-шовинизма, что мы и наблюдаем сегодня.

- Во-вторых, к появлению особой псевдо-марксистской теории, базирующейся на догматизации некоторых утверждений Маркса, рассматриваемых недиалектически, вне их исторического контекста, и призванной затушевать существование свойственных империализму межнациональных классовых противоречий, представить империалистическую эксплуатацию как нечто абстрактное, не имеющее отношения к реальным задачам классовой борьбы. (Этой теорией мы займёмся во

втором разделе.)

• В-третьих, к формулировке на основе этой теории *неотроцкистского** представления об СССР и других странах соцлагеря как об «*антинародных режимах*», выставляя именно развитые капстраны в качестве государств с «наиболее передовым» общественно-политическим строем. Последний момент сыграл очень существенную роль в идеологической войне против СССР и всего мирового коммунистического движения.

Все эти последствия были крайне выгодны правящему классу империалистических государств, обеспечивая высокую внутреннюю стабильность социальной структуры первого мира, а вместе с ней — и опирающийся на единство интересов нации (или даже скорее содружество наций первого мира) аппарат подавления эксплуатируемых масс третьего мира. Разумеется, не обошлось и без некоторых эксцессов, наиболее ярким из которых была потеря Вьетнама в результате вызванного обилием жертв среди призывников массового неприятия этой войны, однако, переведя свою армию на коммерческую основу и существенно понизив риск за счёт ориентации на более передовую технику США достаточно успешно преодолели назревший было кризис.

В то же время, эффект определённой «политической инерции» привёл и к одному весьма негативному — с точки зрения правящего класса — результату: перераспределение прибыли в пользу рабочей аристократии (или более точно: нижнего слоя т.н. *среднего класса*, включающего в себя кроме собственно рабочей аристократии всевозможных конторских служащих, низший управленческий персонал и т.п. и составляющего основную массу современного западного общества) **слишком** большой доли империалистических прибылей, в особенности — в некоторых европейских странах. И хотя подобное положение было весьма выигрышным с точки зрения идеологической борьбы (и активно использовалось в этом качестве), уже в 80-е годы

начался заметный спад уровня жизни практически во всём первом мире и вызванное им обострение социал-шовинистических настроений в обществе, направленных на сохранение западным средним классом своего привилегированного положения в мире.

д) Социал-шовинизм

после контрреволюции в СССР

Уход с мировой политической арены Советского Союза и социалистической системы привёл к резкому изменению в классовых взаимоотношениях внутри первого мира. Прежде всего, исчез своеобразный «эталон», ограничивающий снизу глубину начавшегося падения уровня жизни западных масс, но значительно более важным следствием стало то, что сама концепция разделения мира на первый и третий оказалась в значительной степени устаревшей. Необходимость противостояния с СССР объединила всё ведущие империалистические страны в единый военно-политический блок, заставив их забыть *межимпериалистические* противоречия: роль псевдоимпериалистического противника начало играть объединение стран Варшавского Договора. Если бы последний (не говоря уже о собственно СССР) не распался, если бы Советский Союз — как на то (пусть и не вполне сознательно) рассчитывало большинство поддержавших контрреволюцию советских граждан — просто превратился из социалистического государства в империалистическое, всё было бы в порядке: в экономической структуре первого и подчинённой ему части третьего мира мало что изменилось бы. Но в реальности произошло нечто иное: СССР просто сошёл с арены в качестве сверхдержавы и мир неожиданно стал *однополярным*, лишённым того острого **военного** межимпериалистического противостояния, которое и возвело в своё время политику социал-шовинизма в ранг **вынужденной** официальной политики империалистических государств. Империализм (в более-менее ленинском смысле) — т.е. эксплуатация подчинённых территорий **не-**

---

* «Классическое» троцкистское представление (т.е. представление самого Троцкого в годы изгнания) об СССР было как о «деформированном рабочем государстве» — что до определённой степени соответствовало действительности, поскольку никаким иным в условиях враждебного окружения более сильных капиталистических государств оно и быть не могло. По этой причине новое представление, искажающее уже не причины деформаций, а саму суть советского государства следует считать именно **неотроцкистским**, раз уж оно по некоторым историческим причинам тоже оказалось связанным с именем Троцкого

сколькими группами буржуазии — окончательно сменился *ультраимпериализмом* — т.е. эксплуатацией всего мира **одной*** группой буржуазии, не раздираемой между собой военными противоречиями и, соответственно, не нуждающейся более в огромных национальных армиях. Её нужды в сегодняшнем мире гораздо лучше могут быть удовлетворены более компактными интернациональными военно-полицейскими силами, служащими — как и любая полиция — за зарплату, а не из патриотических соображений классового единства нации. Основания для дальнейшего подкупа буржуазией рядовых граждан стран первого мира просто перестали существовать, первый мир, как политико-экономический феномен наконец-то отжил своё.

В результате социал-шовинизм, привыкший к положению «стратегического партнёра» (национальной) буржуазии, совершенно неожиданно (для себя) оказался в положении защищающейся — и безнадежно проигрывающей при этом — стороны. И это обстоятельство, как ни странно, лишь осложняет борьбу с ним.

Каким образом? Не должны ли социал-шовинисты, убедившись в «предательстве» их буржуазией, попросту перейти на сторону широких масс трудящихся, *перестать быть* социал-шовинистами? Что ж, подобный исход, безусловно, возможен. Однако, как справедливо отметил Ленин в одной из приведённых нами выше цитат: *«Отдельные лица из нынешних социал-шовинистских вождей могут вернуться к пролетариату. Но течение социал-шовинистское или (что то же) оппортунистическое не может ни исчезнуть, ни «вернуться» к революционному пролетариату.»* И дело здесь не в авторитете Ленина (он, в конце концов, говорил о политической ситуации столетней давности, так что его выводы вовсе не обязаны быть справедливы сегодня), а в том, что расслоение (и очень сильное) трудящихся по-прежнему сохраняется и верхний слой (т.е. рабочая аристократия) по-прежнему заинтересован в этом расслоении. Какая-то часть рабочей аристократии может обеднеть и вернуться в разряд собственно пролетариата, кто-то из её вождей может убедиться в бесперспективности своей линии и перейти на революционные позиции, но всё это никоим образом не устрани-

рабочей аристократии в целом, по крайней мере, не в ближайшее время — а именно о борьбе с её негативным идеологическим влиянием **сегодня, сейчас** мы и говорим. Буржуазия может и не хочет в текущих условиях союза с социал-шовинистами, но проблема в том, что зато **они сами** хотят этого союза — у них просто нет никакого иного способа сохранения своего привилегированного положения. И как бы ни открещивалась от них буржуазия, как бы ни «предавала» их, как бы ни игнорировала их «законные требования», они тем не менее будут продолжать верно служить ей, надеясь рано или поздно доказать свою полезность и вернуть себе её расположение. Тем более, что *какое-то количество* рабочей аристократии — в качестве социального буфера между собой и эксплуатируемыми массами — буржуазия, по-видимому, сохранит в любом случае, так что сегодняшнее выслуживание перед ней — отнюдь не столь бессмысленно, как это может показаться с первого взгляда.

В то же время, объективное ухудшение положения рабочей аристократии сегодня создаёт впечатление, что она действительно «угнетается» буржуазией, что она — «союзник» собственно угнетённых масс. При этом, как и прежде, рабочая аристократия хочет не просто союза, но своей *ведущей роли* в этом союзе, которую она, опять же, как и прежде, собирается использовать для подчинения всей руководимой ею «революционной» деятельности достижению своих и только своих целей. Тогда как в действительности интересы угнетённых масс не имеют ничего общего с интересами рабочей аристократии, более того, **противоположны** им. Интересы трудящихся масс не в том, чтобы помочь рабочей аристократии — «из соображений рабочей солидарности» — сохранить своё привилегированное положение, а в том, чтобы способствовать её **ликвидации**, в том, чтобы её положение ухудшалось и дальше, чтобы она лишилась всех своих «завоеваний» и в результате *вернулась* в состав угнетённых масс. Без этого ни о какой **реальной** солидарности и говорить не приходится. Чем больший процент населения первого мира опустится до уровня жизни третьего мира, чем раньше это произойдёт — **тем лучше**.

* Если не считать многочисленных разрозненных групп национальной, т.н. «патриотической буржуазии», которые, однако, не представляют из себя никакой серьёзной угрозы для абсолютного доминирования основной, интернациональной группы буржуазии, о которой мы и говорим.

Место СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сегодняшнее влияние социал-шовинизма на происходящие в мире процессы определяется тем же, чем и всегда: его политической сущностью, заключающейся в стремлении обеспечить привилегии незначительной части трудящихся за счёт основной их массы. Сущность эта не изменилась, однако кардинальное изменение обстоятельств в мире привело к тому, что *проявление* этой сущности выглядит сегодня совершенно иначе, чем сто лет назад.

Что являлось основой привилегированного положения рабочей аристократии метрополий во времена становления и расцвета империализма? Безусловно, колонии. И это определяло ориентацию социал-шовинизма на завоевание и удержание колоний, борьбу за них с другими империалистическими силами. При этом, однако, не следует упускать из виду, что существенным элементом тогдашнего положения вещей было *подчинённое положение* колониальных экономик по отношению к экономикам метрополий. Именно эта подчинённость, а не просто расширение территории и населения колониальных империй обеспечивала рабочей аристократии метрополий все её привилегии. Изменилось ли что-нибудь в мировой экономике с тех пор? Да, изменилось. И изменилось принципиально.

Прежде всего, следует отметить, что имевшая место двухуровневость империалистической экономики была явлением скорее вынужденным и исторически обусловленным, чем сознательно избранным буржуазией в качестве оптимального. Медленный, недостаточно надёжный и в целом неадекватный транспорт не позволял произвести полную интеграцию и экономики и выравнивание её в пределах всей империи — как по причине слишком высокого уровня инвестиций, требуемого для полноценного развития колониальной промышленности, так и по причине опасений со стороны буржуазии метрополий, что подобное развитие может настолько усилить колониальную буржуазию, что она выйдет из под контроля и захочет со-

здать свою собственную империю, в том числе и за счёт колоний своих бывших хозяев (что, собственно говоря, и произошло с тринадцатью американскими колониям Англии). Тогда как сегодня мы наблюдаем совершенно другую картину. В результате успехов антиколониальной борьбы колониализм сменился *неоколониализмом*, это не вывело бывшие колонии из под экономического гнёта бывших метрополий — лучшим доказательством чего как раз и является разделение мира на первый и третий — однако, во-первых, сделало их значительно более независимыми от прежних хозяев, дало возможность лавировать между конкурирующими группировками буржуазии первого мира, а во-вторых, (в том числе и по причине возможности этого лавирования) привело к более динамичному развитию капитализма в этих когда-то полуфеодальных или даже предфеодальных странах.

В результате — особенно после краха мировой системы социализма — интернационализировавшаяся к этому времени буржуазия получила реальную возможность более эффективной интеграции мировой экономики, без искусственного разделения её на «первомировую» и «третьемировую». Но как раз это-то и вызвало панику в рядах социал-шовинизма. Да, они хотели интеграции, но только *колониальной*, неравноправной интеграции, такой интеграции, которая не угрожала бы их собственным, относительно высокооплачиваемым рабочим местам, но напротив, гарантировала бы их, обеспечивая бесперебойные поставки дешёвого сырья из колоний и огромный колониальный рынок для сбыта промышленной продукции метрополий. Современная же интеграция (глобализация) ударила по самой основе социал-шовинизма: как и предсказывал Гобсон, бывшие метрополии, ныне страны первого мира превратились в значительной степени в паразитические общества, большинство населения которых не производит ничего реально полезного, но при этом, в силу чисто исторических причин, потребляет львиную долю производимого в мире. И сегодня этим «работникам» начинают всё чаще и чаще вежливо указывать на дверь, справедливо рассудив, что они являются ни чем иным, как *лишним звеном* в системе мирового производства.

Именно эта доминирующая в сегодняшнем мире тенденция и определяет место в нем социал-шовинизма. Из (социал-)империалистов, сторонников интеграции, империалистических войн, они вдруг превратились в «антиимпериалистов», «противников войн», поборников «прав наций на самоопределение», антиглобалистов. Но при этом экономическая направленность их деятельности осталась неизменной: обеспечить привилегии незначительной части трудящихся за счёт угнетения их основной массы.

Что **сегодня** определяет угнетённое положение населения третьего мира по отношению к первому? Уже отнюдь не промышленное отставание: большинство промышленных производств давно вынесено из «промышленных стран», включая самые новые и наиболее высокотехнологичные производства, такие как компьютерное, фармацевтическое, химическое и т.п. Смешно говорить также о «более высокой производительности труда» лепильщика гамбургеров или сменщика моторного масла где-нибудь в Оклахоме, по сравнению со сборщиком компьютеров в Малайзии или техником фармацевтического комбината в Индии, зарабатывающих при этом по крайней мере в несколько раз меньше. Нет, положение это объясняется совершенно иначе: искусственной *сегментацией рынка труда* и исторически сло-

жившимися высокими ценами на рабочую силу в первом мире, ценами, подкреплёнными всей системой трудового законодательства, принятого в период государственной политики социал-шовинизма. Фактически, «пролетариат» первого мира превратился в особый класс, во многом аналогичный мелкому дворянству: его представители пользуются *наследственной привилегией* на занятие определённого — и весьма ограниченного — круга крайне высокооплачиваемых (по **общемировым** меркам) должностей. И для сохранения этого положения перед социал-шовинизмом стоит двуединая задача: во-первых, не допустить дальнейшего оттока рабочих мест в третий мир, во-вторых, обуздать массовый приток рабочей силы в первый. Иными словами, сопротивление любым проявлениям глобализации и стоящим за ней ТНК. Что на деле означает безусловную поддержку любой «патриотической» национальной буржуазии третьего мира (а также паразитирующей на распределении произведённых в третьем мире благ мелкой и средней буржуазии первого), от кровавого режима Саддама Хусейна в Ираке, до «левого» социал-реформатора Уго Чавеса* в Венесуэле. Т.е. опять — поддержку **буржуазии** (пусть уже и не «своей») и опять — против угнетаемого этой буржуазией трудового народа, во имя сохранения собственных привилегий.

Февраль-март 2005

Продолжение следует

---

* Последний, безусловно, бесконечно предпочтительнее первого и коммунисты не могут **не** поддерживать его, когда речь заходит о подобном выборе. Что, однако, не отменяет того факта, что в конечном итоге, что бы он там ни говорил о «социализме с боливарским лицом», задачу свою этот «народный президент» видит в стабилизации венесуэльского капитализма, в недопущении обнищания трудового народа до уровня, когда «низы не хотят», в предотвращении действительно социалистической революции.

О ГОСУДАРСТВЕ (напоминание забывчивым или назидание несведущим)

Ю. Михайлович

Если хотя бы бегло проанализировать литературу и публикации коммунистической прессы последнего десятилетия, создаётся впечатление, что все озабочены лишь одной, безусловно важной, но всё-таки односторонней проблемой: как свергнуть власть олигархов и буржуазии. Да, действительно, проблема архиважная. Но что дальше, после решения этой проблемы? На этот вопрос тоже с лёгкостью все отвечают: восстановить Советскую власть, советское государство.

Да, наверное, всё так: на первых порах необходима такая испытанная и хорошо известная форма управления обществом как государство. Но вот тут-то и вся загвоздка. Каким должно быть это государство, как оно должно управляться и кем? Пока ясно одно: ни в коем случае нельзя копировать всю прошлую систему, ибо она показала порочность своего механизма, позволившего относительно свободно произрастать и развиваться внутри себя контрреволюционным элементам и неспособность противостоять ползучей внутренней и внешней контрреволюции. Да и будем откровенны, наверное, даже и не всегда были виноваты контрреволюционные силы. Хватало и в Советском государстве просто откровенных дураков на высоких и не очень государственных постах. Эта особенность нашего российского общества уже неоднократно отмечалась в русской литературе. Не исчерпала себя эта особенность и поныне. Даже в нашей среде коммунистической оппозиции. Например, стоит хотя бы только взглянуть на дела и помыслы некоторых представителей руководства Московской организацией РКП-РПК и представить себе, что эти люди при удобном случае могли бы претендовать на руководящие посты в возрождённом советском государстве, как сразу становится грустно до слёз и возникает мысль: нет, рановато ещё нашей революции побеждать. Тем более, что это и в реальной ситуации пока обстоит именно так.

Итак, просто бездумно восстанавливать то, что развалилось – бессмыслица и даже преступление перед грядущими поколениями. Но всё-таки как в будущем избежать уже допущенных в прошлом ошибок? Для этого надо хорошо знать и понимать эти ошибки. Невозможность простого копирования прежнего опыта вызывает необходимость глубокого научного анализа на макро- и микроуровнях тех причин, которые привели Советское государство к краху. Это гигантская и архиважная тема, ждущая своих разработчиков. Кроме того, эта тема весьма непроста сама по себе. И в настоящей статье по целому ряду обстоятельств придется затронуть лишь самые верхушки проблемы. Но сложность её и в том, что ещё, пожалуй, никто именно с коммунистических позиций даже не пытался проанализировать, казалось бы, ещё так недавно незыблемые постулаты документов, в истинности и правильности которых в былые времена многие почли бы кощунственным даже сомневаться, а не то чтобы их принципиально критиковать. Не ушли окончательно эти настроения и сегодня у значительной части приверженцев Советского государства, привыкших и прежде бездумно и беспрекословно выполнять «установки сверху», а сегодня считающих, что любая попытка критически проанализировать наше советское прошлое есть не что иное, как приспешество нашим классовым врагам. Не удивлюсь, если на эту скромную статью вместо вдумчивых возражений польются изрядные порции помоев. Впрочем, статья рассчитана на то, чтобы пробудить интерес к этой проблеме у грамотных и умеющих думать коммунистов. Поэтому её следует рассматривать, как одну из попыток приоткрыть дверь в эту проблему и приглашение читателя к размышлениям над ней. Возможно, в будущем, эти крупинки коллективного разума в конечном счёте приведут к созданию глубоко продуманной научной концепции современного общества

равноправия, социальной справедливости и его организационной формы.

Но, прежде всего, следует всё-таки разобраться, что представляет собой такая форма организации общества, как государство. Думается, что лучше всего это можно сделать при некотором кратком экскурсе в историю вопроса. Тем более, что это нужно будет и для последующих обобщений. Поэтому автор просит читателя набраться некоторого терпения на период небольшой исторической экскурсии.

Итак, над проблемой государства периодически «ломали голову» выдающиеся мыслители человечества. Но лишь немногие из них приблизились к решению этой задачи, когда стали рассматривать её с точки зрения классовых интересов. Это требовало от них не только таланта, но и незаурядного мужества, тем более, что многие из них сами были представителями богатейших слоёв современного им общества. Так вот, ещё древнегреческий софист Антифонт в V веке до новой эры одним из первых вынужден был признать, что **неравенство людей проистекает из человеческих законов, а не из природы**. Ему вторил ещё один древнегреческий софист Фрасимах из Холкедона, который в первой половине IV в. до новой эры пришёл к выводу, что **в каждом государстве власть устраивает законы в свою пользу**: демократия – демократические законы, тирания – тиранические и т.д. При этом все власти считают именно свои законы справедливыми. Но ещё более смело и откровенно в те давние времена высказался знаменитый римский оратор, юрист и государственный деятель Марк Туллий Цицерон. Он отметил изначальную связь государства и собственности и по сути дела поддержал мнение эллинского стоика Понетия о том, что **причиной образования государства является охрана собственности**.

С развитием человеческого общества мышления о сути государства становятся всё более глубокими и разносторонними. Уже в период классического средневековья выдающийся итальянский мыслитель Никколо Макиавелли открыл закон, который гласил о том, что **политические события, изменения в государстве, смена его форм происходят не по воле божьей, не по прихоти или фантазии людей, а совершенствуются объективно, под воздействием реальной действительности**. Поэтому не случайно К. Маркс относил Макиавелли к числу тех политических мыслителей, которые

«...стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии».

С началом позднего средневековья, именно в XVI – XVII вв., появляется и занимает заметное место в интеллектуальной жизни Европы такое общественное движение, как социализм. К проблематике государства, права, власти мыслители-социалисты обращаются в поисках ответа на вопрос о том, какими должны быть политико-юридические институты, способные адекватно воплотить строй, основанный на общности имуществ, покончивший с частной собственностью, с материальным неравенством между людьми, с прежними тираническими формами правления.

Наиболее яркими представителями этого движения были Томас Мор (1478-1535 гг.) и Томмазо Кампанелла (1568-1639 гг.), создавшие немеркнущие во времени произведения «Утопия» и «Город Солнца», на века опередившие своё время. Рамки данной статьи не рассчитаны даже на краткое раскрытие всех аспектов этих произведений. Нам важно лишь мнение авторов о государстве будущего. Например, Томас Мор в своей книге «Утопия» гениально показал, что **пока существует частная собственность, нет никаких шансов на выздоровление социального организма**. Более того, он считал, что *«Где только есть частная собственность, там вряд ли возможно правильное и успешное течение государственных дел»*. Поэтому у человечества лишь один выход: **«совершенное уничтожение частной собственности»**. Что же касается государства, то **оно есть орудие в руках богачей, которое те используют в целях угнетения народа, для защиты своих корыстных интересов**. Силой, хитростью, обманом богачи подчиняют себе простых людей, обездоливают их. Для этого они используют силу законов, предписаний власти, которые навязываются народу от имени государства.

Весьма примечательно, что на рубеже позднего средневековья и начала Нового времени появился автор, который, не будучи социалистом или ранним коммунистом, удивительно подробно, обстоятельно и объективно дал характеристику причин возникновения и социально-политической сущности государства. Этим выдающимся человеком был Жан-Жак Руссо (1712-1778 гг.) - один из ярких и оригинальных

нальных авторов во всей истории общественной и политической мысли.

Руссо считал, что **в естественном состоянии частная собственность не существует, а люди все свободны и равны. Неравенство может быть обусловлено лишь физическими природными различиями людей. С появлением же частной собственности, которая уже сама по себе противоречила естественному равенству, возникло социальное неравенство и в итоге борьба между бедными и богатыми.** По мнению Руссо, хитроумными усилиями богатых, использовавших жизненные интересы других людей, было достигнуто соглашение о создании государственной власти и законов, которым должны были подчиняться все. Тем не менее, потеряв естественную свободу, бедные не обрели свободы политической. Поэтому Руссо отмечает, что созданные путём договора государство и законы

«наложили новые путы на слабого и придали новые силы богатому, безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства, превратили ловкую узурпацию в незыблемое право и, ради выгоды нескольких честолюбцев, обрекли с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету».

Ну, а **неравенство частной собственности, дополненное политическим неравенством, привело, как считал Руссо, в конечном счете, к абсолютному неравенству.**

Промышленный переворот в Англии и низвержение феодализма во Франции положили начало бурному развитию капитализма в ведущих странах Европы. А это, в свою очередь повлекло резкое имущественное расслоение общества и ухудшение положения трудящихся, особенно наёмных рабочих, в результате промышленного переворота, экономических кризисов и безработицы. Именно в это время начинают бурно развиваться различные социалистические течения. Большой вклад в их развитие внесли Шарль Фурье (1772-1837 гг.) и Клод Анри Сен-Симон де Рувруа (1760-1825 гг.). В этот же период усилиями таких видных теоретиков как Роберт Оуэн (1771-1858 гг.), Буанаротти продолжают развиваться и коммунистические идеи.

Одним из социалистических течений в это же время довольно громко заявил о себе анархизм, отрицавший государственную власть и

провозглашавший замену его общественным самоуправлением. Первыми крупными теоретиками анархизма были Пьер Жозеф Прудон (1809-1865 гг.), Каспар Шмидт (1806-1856 гг.) и Михаил Александрович Бакунин (1804-1876 гг.). Анархизм **квалифицировал государство как жестокого угнетателя и эксплуататора трудящихся.** Поэтому Прудон видел выход в упразднении всех форм угнетения человека путём глубокого социального переворота, при котором должно произойти упразднение «политической конституции», государства и права. Он считал, что **государство не только эксплуатирует общество, но ещё и осуществляет тотальный надзор за всеми действиями людей, опутывает их множеством законов, подавляет силой малейшее сопротивление и недовольство властью.** При помощи государства буржуазия сохраняет ренту и прибыль, умножает свою собственность, ибо государственные законы издаются для защиты их интересов. Они, будучи бесчисленны, бесконечны, изменчивы и подвижны, градом сыпятся на головы бедного народа.

Во многом ему вторил и Бакунин, который считал, что **государство – не меньшее зло, чем эксплуатация человека человеком, и всё, что делает государство, - тоже зло. Любая власть создаёт привилегии для обладающих ею, стремится прежде всего увековечить себя.** Поэтому, считал Бакунин, **пролетариат должен разрушить государство как вечную тюрьму народных масс.** Будущее же общество он представлял себе как вольную организацию рабочих масс снизу вверх, федерацию самоуправляющихся трудовых общин и артелей без центральной власти и управления.

Во второй половине 40-х гг. XIX века формируется коммунистическая доктрина – марксизм. Его основоположники Карл Маркс (1818-1883 гг.) и Фридрих Энгельс (1820-1895 гг.) разработали важнейшие положения этой доктрины. Но нас в данном случае интересуют прежде всего проблемы государства и власти. Так вот Маркс сам подчёркивал:

«То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определёнными историческими фазами развития производства..., 2) что классовая борьба необходимо ведёт к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к

уничтожению всяких классов и к обществу без классов...».

Что же касается Энгельса, то он доказал, что государство возникло в результате раскола общества на классы с противоположными экономическими интересами и само является орудием господствующего класса направленным для подавления угнетённого, эксплуатируемого класса. В конечном счёте, одна общественно-экономическая формация сменяется другой путём социальной революции. Этот переворот во всей громадной надстройке происходит из-за того, что постоянно развивающиеся производительные силы приходят в острое противоречие с устаревшей системой производственных отношений (т.е. базисом общества).

В силу всего этого первым шагом рабочей революции должно быть превращение пролетариата в господствующий класс. В начале 50-х годов XIX века Маркс назвал политическую власть рабочих диктатурой пролетариата. При помощи её пролетариат использует своё

политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил.

Кроме того, марксизм содержит идею отмирания политической власти (государства) в коммунистическом обществе, когда исчезнут классы с противоположными антагонистическими интересами.

Очередной важнейший этап в развитии проблемы государства и права относится к периоду освободительного движения в России конца XIX – начала XX века. Именно сюда в это время переместился центр мирового революционного движения. Русская социал-демократия, до сих пор в целом стоявшая на платформе марксизма, претерпела раскол. Образовались два далеко ра-

зошедшие течения – большевиков во главе с Владимиром Ильичом Лениным (1870-1924 гг.) и меньшевиков, лидерами которого стали Георгий Валентинович Плеханов (1856-1918 гг.) и Л. Мартов (1873-1923 гг.). Но опять-таки в силу определённой направленности данной статьи, нас не интересуют другие проблемы большевизма, кроме вопроса о государстве и власти.

И вот тут, дорогой читатель, начинается то главное, ради чего мы совершили краткий исторический экскурс из далёких прошедших веков до этого момента. Это нужно было автору именно для того, чтобы наиболее наглядно и доказательно показать, что те идеи, которые были заложены Лениным в строительство первого в мире государства рабочих, не были случайны или

навеяны сиюминутными обстоятельствами. Гениальность Ленина состоит в том, что он, как и многие его великие предшественники, обрзапно говоря, стоя на плечах предшествующих гигантов человеческой мысли, в своей теории опирался на величайшие и са-

мые передовые достижения человеческого разума.

Так вот, рассмотрение взглядов В.И. Ленина на государство и власть, по-видимому, целесообразно начать с вопроса о **классовой природе государства**. В своей самой обстоятельной работе по этой проблеме «Государство и революция» он сосредотачивает внимание на этом уже в первом параграфе первой главы, где отмечает, что именно **классовость** является **врождённой, неотъемлемой и всеопределяющей чертой любого государства** по целому ряду причин.

Во-первых, с момента утверждения в человеческом обществе частной собственности и возникновения в связи с этим общественных групп с противоположными экономическими интересами произошёл раскол его на антагонистические классы. Поэтому Ленин особо подчёркивал важность положения о том, что «государство

есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий» (выделено авт.). Ленин приводит в пример слова Энгельса, который писал:

«Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство».

Во-вторых, государство является классовым образованием ещё и потому, что **комплектование аппарата государства** (и в первую очередь верхних эшелонов государственной власти) **осуществляется только из среды господствующего класса**. Правда, чиновники низших рангов могут рекрутироваться и из других слоёв общества, но не они определяют (да по своему положению и не могут определять) политику государства.

В-третьих, абсолютно классовым государство делает и то, что **государственная машина осуществляет политику угодную и выгодную только исключительно господствующему классу**, политику, отвечающую его коренным экономическим, политическим и идеологическим интересам.

Ленин отмечает: *«Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса».* При этом трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров. Руководить же этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении её. В то время, как эксплуататорским классам нужно политическое господство для эксплуатации ничтожным паразитирующим меньшинством громаднейшего большинства народа, эксплуатируемым классам нужно политическое господство в интересах полного уничтожения всякой эксплуатации со стороны ничтожного меньшинства эксплуататоров. Вот именно в этом понимании Ленин в дальнейшем говорит словами основоположников марксизма о сути пролетарского государства: *«Государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат».*

При всём этом Ленин подчёркивает, что, свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, подготовленного экономическими условиями

своего существования:

«Только пролетариат, - в силу экономической роли его в крупном производстве, - способен быть вождём для всех трудящихся и эксплуатируемых масс (обрати, дорогой читатель, внимание на то, как Ленин осторожно обращался с этими терминами - «трудящиеся» и «эксплуатируемые массы»), это нам ещё пригодится - авт.), которые буржуазия эксплуатирует, гнетёт, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к самостоятельной борьбе за своё освобождение».

Далее Ленин делает вывод о том, что учение о классовой борьбе, применённое Марксом к вопросу о государстве и социалистической революции, ведёт к признанию именно **политического господства пролетариата, его диктатуры**. А это означает неразделяемую ни с кем власть, опирающуюся непосредственно на вооружённую силу масс. Свергнуть буржуазию пролетариат может лишь превратившись в господствующий класс, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать все трудящиеся и эксплуатируемые массы. Ленин отмечает:

«Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства».

И вот теперь В.И. Ленин высказывает архиважнейшую для нашего разговора мысль, которая является стержневой для наших дальнейших рассуждений. Он пишет:

«Кто признаёт только борьбу классов, тот ещё не марксист... Марксист лишь тот, кто РАСПРОСТРАНЯЕТ признание борьбы классов до признания ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА... Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура ОДНОГО класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для ПРОЛЕТАРИАТА, свергнувшего буржуазию, но и для

целого ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма» (выделено мной – авт.).

И завершает эту фразу Ленин не менее важным для нас высказыванием:

«Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА» (выделено мной - авт.).

Можно ещё много говорить о государстве, власти, праве. Но нам для дальнейшего разговора пока вполне достаточно и того материала, который мы отметили. Вооружившись основополагающими положениями марксизма-ленинизма по вопросу о государстве и власти, мы теперь в состоянии проанализировать все четыре советские конституции, как основной закон, характеризовавший суть нашего социалистического государства и уровень освоения грядущими поколениями советских руководителей теории марксизма, не говоря уже о его творческом развитии. Именно только после этого мы сможем понять, как могло так внезапно рухнуть казалось бы неокрушимое здание советского государства, в чём причина этой социальной катастрофы воистину всемирного значения. А, разобравшись в этом, нам и последующим нашим поколениям будет всё-таки легче ориентироваться в том, чего не следует делать при строительстве нового общества социальной справедливости.

Итак, первая советская Конституция – Конституция РСФСР 1918 года. С момента Октябрьской социалистической революции прошло меньше девяти месяцев. Она ещё буквально полыхает жаром того могучего революционного урагана, который разметал трухлявые обломки Российской империи и убогой халупы под названием Российская республика, воздвигнутой на месте империи столь же бессильной российской буржуазией. Да и принята она была в тот момент, когда пламя иностранной интервенции и Гражданской войны охватило уже всю Россию – 10 июля 1918 г.

Уже первое же знакомство с этим документом говорит о том, что он создавался людьми, хорошо освоившими революционную теорию марксизма и хорошо представлявшими, что делают. Достаточно сказать, что за разработкой

Конституции внимательно следил В.И. Ленин. В этом документе прямо говорится о задаче установления диктатуры пролетарских масс в виде Советской власти в целях полного подавления буржуазии и уничтожения эксплуатации человека человеком. При этом высшей властью в стране объявлялся Всероссийский съезд Советов, собирающийся не реже двух раз в год. Что это означало? А то, что к управлению государством, таким образом, привлекались самые широкие народные массы во главе с рабочим классом. Ведь делегатов на съезд каждый раз избирали далеко не всегда одних и тех же. В таких условиях бюрократизму зацепиться за властные функции было несравнимо труднее. И установленный порядок созывов съездов достаточно чётко выполнялся: даже в тяжелейших условиях Гражданской войны съезды проходили довольно регулярно.

Единственный момент, к которому можно предъявить некоторые претензии, это положение статьи 9 в которой сказано, что уже при социализме не будет «ни деления на классы, ни государственной власти». Скоропалительность авторов Конституции в этом случае понять можно: ими владело страстное желание скорее создать новое общество, сказывалось отсутствие опыта государственного строительства, а отсюда и забвение марксистского положения по этому вопросу. Но «грех» этот, на наш взгляд, не слишком велик. Жизнь способна была внести в этот вопрос свои коррективы. При этом напомним, мы не анализируем другие стороны первой советской Конституции. Нас они в данный момент не интересуют.

Но вот окончилась Гражданская война. Советское государство не только выстояло под сокрушительным ударом 14 иностранных держав и силами внутренней контрреволюции, но и быстрыми темпами стало восстанавливать свою экономику и укрепляться. Более того, несколько советских республик, возникших на обломках бывшей Российской империи, решили объединиться и в 1922 году создали единое союзное государство – СССР. Естественно, что уже к лету 1923 года была разработана и первая Конституция СССР, окончательно утверждённая II съездом Советов СССР 31 января 1924 года.

Конституция подчёркивала неизбежность основ Советской власти. В ней было отмечено, что

«...только в условиях диктатуры

пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнёт, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов».

Верховным органом власти объявлялся съезд Советов, созываемый один раз в год и состоящий из представителей городских Советов и губернских съездов Советов.

В этом документе, на наш взгляд, появляются уже первые, ещё не проявляющиеся ярко, довольно странные моменты, которые пока не дают оснований напрямую называть их отходом от марксистских положений. Но не насторожить они не могут. Так, например, в документе ни слова не сказано о характере СССР как государства, о том, чьё это государство. Если речь и идёт о Советах, то не сказано, чьи это Советы: формали это диктатуры пролетариата, или это «государство трудящихся» и т.п. И подобных нечёткостей в документе хватает. Думается, что одной из причин такого состояния документа было то, что в период разработки этой Конституции В.И. Ленин был уже тяжело болен и не мог в должной степени уделить внимания проекту документа. В то же время, скрытые контрреволюционные силы ещё окончательно не оправились от поражения в Гражданской войне и навязываемых партии внутривластных дискуссиях, поэтому не осмеливались пока выступить более решительно.

Но вот в бурно развивающемся Советском Союзе героическим трудом советских людей к середине 30-х годов были осуществлены коренные социально-экономические преобразования – индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция, которые буквально преобразили лицо Советского государства. Были созданы основы социалистической экономики. Экономические преобразования потребовали и серьёзных политических преобразований. Поэтому уже в 1936 году была принята новая, как её называли – «сталинская» Конституция СССР.

В советские времена было принято считать, впрочем, такое мнение бытует и по сей день, что это была самая совершенная конституция из всех известных. Может быть. Но вот если её рассматривать в плане политическом, да ещё через призму марксистского учения, то возникает целый ряд серьёзных проблем. Да, в Конституции в статье 1 отмечается, что СССР есть социалистичес-

кое государство рабочих и крестьян. Но уже статья 2 загадывает нам первую загадку:

*«Политическую основу СССР составляют **Советы депутатов трудящихся** (выделено мной – авт.), выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата».*

Но, если политическая основа СССР – Советы депутатов трудящихся, то причём здесь «завоевания диктатуры пролетариата»? Это не придирка к словам-синонимам. Это принципиальный вопрос. Вспомните, мы с вами обращали внимание, как В.И. Ленин аккуратно и осторожно использовал эту терминологию – «трудящиеся» и «эксплуатируемые массы». Ведь понятие «трудящиеся» значительно шире понятия «рабочий класс». Разве чиновник не трудящийся? А министр? А художник или профессор университета? Ни о какой «диктатуре трудящихся» ни Маркс, ни Ленин речи не вели. Наоборот, Ленин подчёркивал, что *«...диктатура одного класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для пролетариата, свергнувшего буржуазию, но и для целого исторического периода, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма»* (выделено мной – авт.).

Неужели этого не знал председатель конституционной комиссии? Тогда почему допустил этот термин? Нещепетильность при выборе терминологии? Чересчур наивно по отношению к государственному деятелю такого масштаба, опытному публицисту и революционеру. Или это вновь ошибка, как ошибался он с идеей автономизации при образовании СССР? Тогда его поправил Ленин. А сейчас что, враги вокруг пальца обвели? Хотя, конечно, совсем этого исключать нельзя. Но факт остаётся: допущен принципиальный отход от марксизма с далеко идущими политическими последствиями. С ними мы ещё встретимся. И, что тоже удивительно: никто ведь даже не встрепенулся по этому поводу. Тем более, за это никто так и не поплатился впоследствии. Может быть, **так нужно было?** Но кому?

Вторая крупная загадка состоит в том, почему вместо съезда Советов высшим органом государственной власти вдруг становится Верховный Совет, который избирается аж на четыре года, а на свои сессии собирается два раза в год? Существующие официальные объяснения звучат как-то не убедительно: якобы это слишком гро-

моздкие и дорогостоящие мероприятия. Значит, в годы Гражданской войны и послевоенной разрухи, при Ленине, они были иными? А ведь тогда съезды собирались даже по несколько раз в год. Или дело в другом? Может быть, просто надо было свернуть революционную демократию, свернуть широкое участие трудящихся масс в деле управления государством в угоду нарождающемуся мощному слою бюрократов и номенклатурных работников, которым эта демократия была страшнее острого ножа?

Действительно, подобные лазейки в Конституции способствовали укоренению бюрократии и номенклатурщины. Ведь номенклатурный работник, появившийся именно в то время, представлял собой некую «касту неприкасаемых», нередко даже если он был откровенным дураком или некомпетентным работником. Кто попадал в обойму «номенклатуры» уже никогда не возвращался на грешную землю, к тому занятию, чем занимался до этого. Он, в худшем случае, если уж совсем не повезёт, оказывался за решёткой, или на лесоповале (как это могло случиться при Сталине), или тихо, мирно и в своё время оказывался в райских кущах на небесах (как это чаще бывало при Брежневе или Горбачёве). Какое там государство пролетариата? Даёшь государство номенклатурищика!

Кстати, хотя это в определённой степени является выходом за рамки статьи, определённые самим автором, заслуживает немалого удивления и позиция той политической структуры, которую в своё время Ленин абсолютно заслуженно определил как «ум, честь и совесть нашей эпохи». Почему мудроголовая, боевая и могучая партия рабочего класса промолчала по этому поводу? Впрочем, промолчала она и позже, когда начались и более откровенные и нелепые «странности» второй половины 30-х годов. Да, с укреплением социализма классовая борьба обострялась. Но почему эта борьба со стороны партии и государства «диктатуры трудящихся» довольно часто направлялась не только против врагов, но и честных и преданных делу пролетарской революции людей? Почему «ум, честь и совесть нашей эпохи» не поднял свой голос против этих безобразий?

Думается, здесь ответ может быть лишь один: перерождение партии началось не после 1953 года, как до сих пор считают многие, а гораздо раньше. Начало этого перерождения имеет свои корни ещё в 30-х годах. Всё дело в том, какую роль партии определяли её тогдашние вожди.

Для Ленина это была организация революционеров, которая помогла перевернуть Россию, организация пролетариата, которая воистину была умом, честью и совестью той революционной эпохи.

Совершенно иную роль партии, как видно из исторических фактов, определял И.В. Сталин. Очевидно, по его мнению, партия должна была помогать ему и его ближайшим соратникам управлять страной в достаточно жёстком режиме. Отсюда и пошла тенденция подмены партийными органами функций государственного аппарата, появление номенклатуры и т.п.

Как бы там ни было, в истории вопроса всё более чётко прорисовываются две характерные особенности. Первая состоит в том, что чем решительнее укоренялись основы социализма в нашей стране, тем ожесточённее разгоралась классовая борьба (об этом в своё время говорил и И.В. Сталин), и, в то же время, тем слабее и ущербнее в политическом отношении становилась Конституция СССР.

Вторая особенность состоит в том, что чем больше составители последующих конституций клялись в верности марксизму, тем дальше от марксизма уходило содержание основных положений готовившихся ими проектов конституций. Ярчайший образец этого – Конституция СССР 1977 года. Более словоблудного и более пустопорожнего документа подобного рода придумать, действительно, сложно. Это впечатление особенно ярко проявляется на фоне событий, которые всего лишь через десяток лет камня на камне не оставили от всего этого словесного нагромождения. Вот уж, действительно, практика – критерий истины.

Всё это усиливается ещё и целой россыпью антимарксистских положений, преподносимых в качестве высшего достижения общественно-гигантов мысли хрущёвско-брежневского разлива. Причём это вовсе не преувеличение, а простая констатация широко известных фактов. Ведь давно уже ни для кого не секрет, что капэсесовские «коммунисты № 1» – Хрущёв и Брежнев, да и все остальные, не слишком-то любили утруждать себя изучением марксистской теории (а Хрущёв-то и вообще даже систематического среднего образования не имел, какая уж тут теория) или, тем более, творческой политической публицистикой. У них вместо этого на государственных дачах были занятия поважнее. А для «научных трудов» они располагали специальными чиновниками, которые писали им всё: от при-

ветственных речей до многотомных «трудов». Эта «традиция» продолжалась до последнего «генсека-президента». Понятное дело, что в этих условиях любые бредни придворных «спичрайтеров», подающиеся в обёртке с факсимиле «первого», воспринимались за бесспорную истину в последней инстанции. Тем более, что у нас с определённого времени сложилась традиция не вступать в теоретический или любой другой спор с носителями высшей власти. Ну, а теперь сами посудите, о каком развитии марксистской науки здесь может идти речь? Поэтому фонтан кренизма в виде Конституции СССР образца 1977 года – вполне закономерное явление. Другого ожидать было бы просто глупо. Да и не от кого. К этому времени партия уже полностью переродилась и не реагировала критически ни на какие выходы управляющих ею вождей-генсеков и их «спичрайтеров». Ну, а её руководящие органы превратились в бездонную кормушку для всякого рода политических проходимцев. Хотите удостовериться в правоте этих слов? Посмотрите внимательнее даже на сегодняшние правящие структуры или другие «хлебные» места. Вы увидите много интересного, уверяю вас.

Но вернёмся к нашей теме. Итак, одним из «шедевров» теоретической мысли в Конституции заявляется положение о том, что в СССР, якобы, построено **развитое социалистическое общество** и что оно является закономерным этапом на пути к коммунизму. Вот такой «марксизм» побрежневски: музыка почти та же, а вот слова – от лукавого. Заблуждались, оказывается, основоположники марксизма. Проморгали целую социальную формацию. Благо, что у дорогого Леонида Ильича были такие спичрайтеры, которые дело вмиг поправили. Главное ведь прокукарекать, а заря может и не заниматься. Вот она окончательна и погасла в начале 90-х годов.

Правда, справедливости ради, сразу надо отметить, чтобы в этом потоке глупостей совсем не забыть, об одном, наверное, единственном правильном выводе, сделанном в этом же разделе документа. Речь идёт о том, что в нашей стране за годы советской власти сформировалась единая социальная общность людей – **советский народ**. Да, действительно, это так. Такая общность сформировалась по объективным причинам. Но и это ещё не наша тема.

Наша тема начинается сразу в двух первых статьях Конституции таким массивным залпом отборного антимарксизма. Оказывается, СССР это вовсе и не государство диктатуры про-

летариата, и даже не государство трудящихся, а есть «социалистическое **общенародное государство**». Конечно же, и вся власть принадлежит не какому-то там диктаторскому классу, пусть даже и рабочих, а именно **всему народу**, и политической основой СССР являются, конечно же, не какие-то там набившие уже оскомину депутаты рабочих и крестьян, а именно «Советы **народных** депутатов». И объяснялся весь этот бред тем, что, дескать, у нас в стране произошло единение народа вплоть до его однородности. На наличие классов, пусть и дружественных, как и наличие других негативных факторов, никто уже внимания не обращал. Поэтому в свете последовавших вскоре событий конца 80-х, начала 90-х гг. довольно забавно, хотя и горько, было наблюдать, как из этой «однородной» массы выпрыгивали, как черти из табакерки, разного рода дельцы с уже довольно тугими кошельками и скупали на корню всё, что им попадалось на пути: от грузовиков до металлургических комбинатов.

Таким образом, те «странности», которые проявились в Конституции СССР 1936 года, даже не смотря на большой риск оказаться в поле внимания тогдашнего руководителя партии, имевшего теоретическую закалку ленинской гвардии и привычку решительно действовать против всякого рода оппортунистов, как теперь ясно видно, были всего лишь робкими шагами по ополению марксизма. Теперь же бояться было нечего. Теоретическая безграмотность «генсеков», полный практический застой теоретической мысли, номенклатурный подход в кадровой политике, многолетние усилия по свёртыванию живой инициативы снизу и замены её на установки разного рода наменклатурщиков, неоднократные попытки «лечить» социалистическую экономику буржуазными «пилюлями» сделали, наконец, своё дело.

Поразительная вещь: то, что было понятно даже древним грекам и средневековым мудрецам, не пробивало крутые лбы и никак не задевало сознания «верных ленинцев», «истинных марксистов», «коммунистов № 1» и окружавшего их сомна академиков, профессоров и прочих докторов от науки. Короче, как в том детском мультике о Чебурашке и его друзьях: «Строили мы, строили и, наконец, построили». Только получился у нас жареный лёд и квадратное колесо. Нелепо? Смешно? Да нет, пожалуй, только горько. Ведь это всё, отнюдь, не случайность, и уж тем более не просто ошибка. Это идеологи-

ческая диверсия. И вовсе не против дураков-генсеков, а против всего советского народа во главе с его «ленинской партией» давно уже переставшей быть таковой усилиями своих вождей и из-за единодушного «одобрямс» этих усилий со стороны большинства её членов.

И опять в этом нет преувеличения. Достаточно вспомнить как повели себя партийные избранные на последнем съезде КПСС на рубеже 80 - 90-х годов, когда страна со всё нарастающей скоростью уже летела под откос. Только треть () делегатов поддержали представителей Движения Коммунистической Инициативы, которые адекватно оценили ситуацию и потребовали решительных действий партии по предотвращению грядущей катастрофы. Остальные поддержали Горбачёва и его окружение. Конечный результат известен.

Кстати, о партии. В Конституции СССР 1977 года брежневскими мудрецами и для неё нашлось место. Причём, издевательски, так сказать, запрягли телегу впереди лошади. В статье 6 вместе с констатацией роли партии как ведущей и направляющей силы в советском обществе, определяется, что *«все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР»*. Попробуйте, товарищи коммунисты, после этого возразить что-либо против идиотской идеи об «общенародном государстве» или против прочего «конституционного» бреда даже при помощи Маркса и Ленина. Будете иметь дело с «общенародным государством» и его Основным законом. А вы всё ещё бредите идеями о каком-то творческом развитии марксизма.

После всего изложенного сами по себе напрашиваются в качестве заключения два ответа на вопросы, которые уже многие годы мучают сегодняшних коммунистов. Первый из них можно сформулировать примерно так: почему советский рабочий класс в начале 90-х годов не стал

защищать СССР и КПСС от оголтелой атаки контрреволюционных сил и предотвращать их развал? Второй вопрос может звучать примерно так: почему нынешние рабочие столь инертны и не включаются в решительную революционную борьбу?

Думается, что ответ на первый вопрос может быть лишь такой: да потому, что его жестоко обманули с идеей государства диктатуры пролетариата, которую вскоре руками КПСС подменили на пустышку махroveйшего оппортунизма. Такие вещи забываются не скоро.

Второй ответ является во многом продолжением первого. Нынешний рабочий просто не верит ни кому. Его доверие ещё надо заслужить. А сделать это теперь очень нелегко. Прошедшие 15 лет говорят о том, что такими методами, которыми мы пытаемся завоевать у него доверие, мы никогда его не получим. Увы, на сегодня у нас нет многих компонентов, которые были у Ленина и его революционных сподвижников. За эти годы мы так и не сумели их приобрести. Причём одним из самых важных среди них – это не истеричные заклинания и проклятья в адрес ненавистного бандитско-буржуазного режима, а систематическая, кропотливая работа по овладению революционной теорией и спокойная, целенаправленная, настойчивая и творческая пропагандистская и организационная работа внутри трудовых коллективов. Причём, не стояние и размахивание красным флагом на перекрёстках или митингование силами своих, мягко выражаясь, немногочисленных сподвижников, а упорная и тщательная подготовка выхода на улицу целых трудовых коллективов с решительными требованиями. Только после того, как рабочие убедятся в искренности, честности и правоте наших призывов и в эффективности нашей работы, только тогда мы будем вправе рассчитывать на их поддержку.

Февраль 2005

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ТЕОРИИ ЭЙНШТЕЙНА (Проблемы с методологией)

В. Подгузов

«Читая книги Юма, поражаешься тому, как много (причем иногда весьма уважаемых) философов после него могли писать столько невежественных вещей и даже находить для своих писаний благодарных читателей. Юм оказал свое влияние на развитие лучших философов, живших после него. Дух Юма чувствуется и при чтении философских трудов Рассела, чья точность и простота выражений часто напоминала мне Юма».

А. Эйнштейн

Как и Шопенгауэр, я прежде всего думаю, что одно из наиболее сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, — это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жестокостью и безутешной пустотой, уйти от уз вечно меняющихся собственных прихотей. Эта причина толкает людей с тонкими душевными струнами от личных переживаний в мир объективного видения и понимания. Эту причину можно сравнить с тоской, неотразимо влекущей горожанина из шумной и мутной окружающей среды к тихим высокогорным ландшафтам, где взгляд далеко проникает сквозь неподвижный чистый воздух и наслаждается спокойными очертаниями, которые кажутся предназначенными для вечности.

А. Эйнштейн

Только выпив слишком много рисовой водки, можно согласиться с тем, что релятивист способен быть материалистом.

Конфуций

НАУКА ОГЛУПЛЕНИЯ

Поражает наблюдательность первополитиков, ускоривших закат общинного коммунизма тем, что открыли основные объективные законы превращения народа в толпу. Уже в те времена они смогли выработать эффективные приёмы обуздания воли большинства соплеменников и способы удержания их в состоянии восторженного подчинения всё более паразитирующему меньшинству.

В наиболее лаконичной редакции рецепт

«лекарства» для усмирения воли народа, конечно же, прост. Его можно «выписать» двумя словами: ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ ОГЛУПЛЕНИЕ.

Поэтому во всех без исключения странах мира, во все века, вплоть до 1917 года, властная верхушка общества щедро выделяла и расходовала средства на сдерживание темпов интеллектуального развития большей части населения. В связи с этим, храмов религии всегда строилось больше, чем школ и университетов. В связи с этим народ всех стран тысячелетиями представлял собой толпу, легко предсказуемую в своём поведении, быстро впадающую в состояние массового религиозного, расового, милитаристского и перестроенного психоза.

Мне, рожденному в СССР, приятно сознавать, что именно моя Родина стала **первой** в истории человечества страной, в которой, усилиями, прежде всего, таких мыслителей, как Ленин, Сталин, Фрунзе, Макаренко, - дело ликвидации массового невежества было выдвинуто на первое место в политике и, особенно, бюджетной. Именно в силу реальных успехов на этом направлении общественного прогресса, СССР, а не США, сделал главный вклад, например, в разгром мирового фашизма, первым вывел на космическую орбиту искусственный спутник Земли и первым же отправил в космический полет советского, а не рыночного землянина.

Однако по мере того, как большая часть советской интеллигенции начала погружаться в подражательство, сребролюбие, обжорство, пьянство, опускался и уровень развития граждан. В меру гниения «головы» общества, интеллигенции, СССР и двигался к своему развалу.

Практика «перестройки» доказала, что оглушение народа, как средство закабаления, действует надёжнее цепей и плетей. Поэтому, по мере научно-технического прогресса, арсенал средств и приемов оглушения масс неустанно изошрялся и расширялся: от суеверия, религии, наркотиков, искусства до науки. Однако поскольку религия, спиртное и наркотики оглушают далеко не всех, постольку наука начинает играть все большую роль в деле формирования средств оглушения и атеистов, и трезвенников.

«Наука оглушения». Звучит парадоксально, тем более, в свете существования «Науки логики», но заинтересованные лица уже давно и внимательно присматриваются к **каждому** открытию ученых, оценивая применимость этих открытий в деле оглушения масс.

Наиболее интенсивно научные исследования продолжают в направлении выявления **естественных**, т.е. **природных** «слабых мест» психики личности, делающих ее **предрасположенной** к **СТОЙКОЙ** алогичности мышления. Большое внимание уделяется поиску механизмов, **АВТОМАТИЧЕСКИ** и **ИЗБИРАТЕЛЬНО** уродующих мышление людей. Автоматизация процессов оглушения, т.е. освоение массами технологии самооглушения, избавляет властную элиту от неожиданных поворотов в «развитии» массового сознания. Избирательность программ оглушения обеспечивает управленцам возможность уродовать мышление людей лишь в области мировоззрения, не нанося видимого ущерба узко-

профессиональному кретинизму, например, полицейских, военных и других представителей древнейших профессий, а также сантехников, шахматистов, журналистов, лицедедов, инженеров и т.д.

Как известно, одним из природных свойств психики личности, позволяющих автоматизировать процесс деградации социальной логики, является врожденная **интеллектуальная пассивность**, т.е. **приспособляемость психики**, доставшаяся человеку в наследство от приматов. В силу этого, за миллионы лет своего существования все породы приматов остались на неизменном, стадном уровне своего развития, воспринимая окружающую среду исключительно как данность, **приспосабливаясь** к ней, довольствуясь рефлекторным и инстинктивным уровнями своих реакций. Иначе говоря, первой **АВТОМАТИЧЕСКОЙ** реакцией психики большинства современных людей **НА СОБЫТИЕ** является попытка приспособиться. Конструктивное сомнение посещает лишь одного индивида на миллиард.

Этот психический рудимент, если с ним не бороться целенаправленно, при определенных условиях возрождается даже в состоявшемся «гомо сапиенсе» и постепенно ведет к атрофии любознательности, совести и, в конце концов, к параличу логики. Именно в силу подобной поэтапной деградации сознания большинства советских граждан (от мышления **первопроходцев** космоса до мышления рыночного **проходимца**) финал перестройки в СССР ознаменовался грандиозным праздником дураков: плюрализмом взаимоисключающих мнений, многопартийностью, парадами «суверенитетов», организованных преступных группировок, ваучерных фондов, «гербалайффов» и националистически-религиозных движений (от нацистских до «вахабитских»), бессмысленными митингами миллионных толп трижды обманутых вкладчиков и т.п.

Весьма показательно, что среди жертв финансовых пирамид, среди безработных и прочих продуктов рыночной реформы, всегда внушительную прослойку составляют дипломированные представители точных наук и инженерных профессий. Многие из них, будучи специалистами в узкотехнических вопросах, оказались полными профанами в социальных, политических и экономических вопросах. Случайно ли это?

Как это, на первый взгляд, не парадоксально, но вполне конкретный и «долгоиграющий» вклад в дело превращения советских научных и

инженерных кадров в толпу «пикейных жилетов» сделала теория... относительности Эйнштейна. «Логика» этой теории такова, что даже пассивное ознакомление с ней студентов технических вузов и философских факультетов оставляет в сознании большинства из них след, более разрушительный, чем иной «вирус» оставляет в компьютере. Образно говоря, теория Эйнштейна оказывает на сознание поклонников точных наук **ЦЕПЕНЯЩЕЕ** воздействие, аналогичное тому, какое оказывает пустой взгляд удава на цепенеющее сознание кролика.

В свое время Ленин писал по поводу влияние некоторых теорий на сознание интеллигенции:

«Помещенная в 1—2 номере журнала «Под Знаменем Марксизма» статья А. Тимирязева о теории относительности Эйнштейна позволяет надеяться, что журналу удастся осуществить и этот второй союз (союз философии и естественных наук – П.В.). Надо обратить на него побольше внимания. Надо помнить, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы и школы, направления и направленности. Поэтому следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей — это задача, без решения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом. Если Тимирязев в первом номере журнала должен был оговорить, что за теорию Эйнштейна, который сам, по словам Тимирязева, никакого активного похода против основ материализма не ведет, ухватилась уже громадная масса представителей буржуазной интеллигенции всех стран, то это относится не к одному Эйнштейну, а к целому ряду, если не к большинству великих преобразователей естествознания, начиная с конца XIX века.

И для того чтобы не относиться к подобному явлению бессознательно, мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм

не могут выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания».

В связи с этим (в качестве примера) уместно привести фрагмент из «размышлений» одного из тех, кто в наши дни пытается в интернете порассуждать с позиций теории относительности:

«...В школе я любил графики, — пишет автор, - При приближении к скорости света течение времени замедляется, вроде так нас учили. Видимо при достижении скорости света время останавливается и внутренней энергией разогнаться дальше невозможно (имеется ввиду разгон с помощью собственного двигателя. (Вроде, видимо, сдается мне... Типичные «доказательства» сторонников релятивизма. В.П.) Как можно разогнаться, если двигатель в этих условиях не работает). Попробуем разогнаться с помощью внешнего источника. Мысленно преодолеем световой барьер. Сдается мне, что за барьером течение времени должно пойти на встречу. О чем это говорит. Это говорит о смене знака в физических процессах. Т.е. увеличение прилагаемой энергии будет приводить к уменьшению скорости и выбрасывать объект назад, к скорости света. Вот вам и барьер. Чем больше мы будем тратить энергии на его преодоление, тем больше он будет сопротивляться. И только по достижении бесконечной энергии скорость объекта сравняется со скоростью света. Похоже, что человек слишком привык мерить своими мерками вселенную. Раз достигать большую скорость трудно, то чем быстрее я движусь, тем дальше я от состояния покоя, т.е. нуля скорости. Но ведь скорость понятие относительное, любое тело всегда куда-то движется. Сказать, какова скорость тела, невозможно, если не решить вопрос, а относительно чего мы ее мерим. Скорость света, это не самая большая возможная скорость, а абсолютный ноль скорости. Это скорость, при которой прекращаются все процессы, время останавливается. Отступление от этого нуля приводит к размораживанию времени и появлению течения процессов. Пишем $C=0$, (абсолютному нулю) и пере-

стаем возиться с идеями сверхсветовой скорости и машины времени. Никому ведь не приходит в голову задаваться вопросом о физике процессов при температуре -100K (минус 100 градусов Кельвина). (Образчик мышления, изуродованного СТО: если «никому не приходит в голову задаться вопросом о физике процессов», то незачем и вдаваться в обоснование «почему» так, и можно ли переносить то, что относится к температуре (характеристике движения некоторых форм материи) на время (характеристику любого движения всех форм материи). - В.П.).

Есть понятие температуры: температура, это скорость движения молекул. Вводим понятие ТЭМПОРАТУРЫ. Вещество существует во времени, т.е. при скоростях, когда это время существует, т.е. меньше скорости света...».

Разумеется, всё это можно было бы воспринять и как свидетельство шизофрении, и как «прикол», если бы это не напоминало «серьёзные» передачи Гордона о космологии, во время которых официальные профессора несли абсолютно аналогичную и даже еще более забавную околесицу.

Теория Эйнштейна – одна из тех, которые пробуждают в людях, прежде всего, чувство своеобразной **веры**, более стойкой, чем любая из известных религий ещё и потому, что сам Эйнштейн, по его словам, был охвачен «*космическим религиозным чувством*», и верил, конечно, не в бытового бога, как он сам писал, «*сотворенного по образу и подобию человека*», а в то, что «*в наш материалистический век серьёзными учеными могут быть только глубоко верующие люди*». После этого попробуйте в толпе поклонников Эйнштейна прослыть серьёзным ученым, если вы отрицательно относитесь к любой форме религиозности, даже космической, т.е. к любой форме веры, доверчивости, в том числе и по отношению к лауреатам нобелевской премии.

Оптимизм же внушает то обстоятельство, что, несмотря на авторитет комитета по присуждению нобелевских премий, вот уже сто лет не прекращается полемика вокруг теории относительности Эйнштейна между меньшинством сомневающимися и большинством поклоняющихся. Показательно и то, что многие верующие в гениальность теории относительности НЕ ЗНАЮТ, что премию имени динамитного короля,

Нобеля, соавтор атомной бомбы, Эйнштейн, получил не за теорию относительности, но продолжают поклоняться именно этой теории.

Противники теории относительности, прежде всего, искренне пытаются понять содержание этой теории, как можно **яснее** донести до читателя **своё** видение сущности **физических** явлений и обнажить порочность релятивистской «методологии».

Верующие же в теорию относительности избегают внятного разговора о **физическом** смысле явлений, описываемых СТО и ОТО (пространство-время, гравитация, «эфир», свет), а уж в отношении **философских** категорий (пространство и время, абсолютное и относительное, общее и специальное, бесконечное и конечное, диалектика и схоластика) многие местные физики высказываются всегда настолько туманно, насколько это вообще позволяет русский язык.

Но, что говорить о современных российских физиках, если сам Эйнштейн не имел никаких адекватных представлений о философии марксизма. В работе «Эволюция физики» Эйнштейн писал:

«В кинетической теории материи и во всех её важных достижениях мы видим осуществление общей философской программы: свести объяснение всех явлений к механическому взаимодействию между частицами материи».

Во-первых, может быть, в представлениях первопроходца-физика, Галилея, «*философская программа*» и представлялось именно так, упрощенно, но, если бы Эйнштейн не побоялся или не поленился прочитать труды Энгельса, то понял бы, что диалектическая философия до рождения Эйнштейна утверждала, что наряду с классическим механическим взаимодействием физических ТЕЛ, марксистская философия признает, как минимум, химические, биологические, социальные формы взаимодействия и **формы движения материи**, соответствующие этим формам взаимодействия, т.е. их единству и борьбе. Во-вторых, что понимать под термином «*механическое*»? Только ли взаимодействие тел, или все случаи последствия от воздействия сил любого происхождения на объект любого происхождения?

Диалектика исходит из того, что между всеми формами взаимодействиями нет непроходимых границ, что эти взаимодействия, будучи различными по формам и уровням прояв-

ления, образуют единую и, в то же время, бесконечно разнообразную **систему** взаимодействий, имеющую всеобщий субстрат, т.е. основу - МАТЕРИЮ.

Так что, если говорить о диалатической трактовке форм взаимодействий, то марксистская философия решает эту проблему бытия, исходя из **бесконечного многообразия форм** взаимодействия, соответствующих бесконечному многообразию уровней **материи** и форм её движения. Бесконечно углубляясь в структуры материи, диалектик оперирует «перевернутой пирамидой» типоразмеров «элементарных» частиц материи, делающими их «ассоциации» непохожими и, в то же время, похожими друг на друга. Но для этого необходимо понимать диалектику **тождества** противоположностей.

Частицы, тела, «поля» и «эфир» тождественны уже потому, что они **ОБЪЕКТИВНЫ, МАТЕРИАЛЬНЫ**. Но если о физических телах современные ученые знают уже много, а кое-что глубоко, то о «полях» - лишь самое поверхностное, как и во времена Эйнштейна.

Подобно тому, как один и тот же углерод образует и графит и, внешне непохожий на него, алмаз, подобно этому, **одна и та же** материя образует, «непохожие» для поверхностного ума, тела, частицы, «поля», эфиры и т.д. Противопоставлять же тела, частицам, «полям» в той МЕРЕ, в какой это делает Эйнштейн, - это все равно, как отрицать всеобщность материальной природы Млечного пути, планет, атомов и электронов, входящих в состав Млечного пути.

Электроны, в качестве одного из типа «кирпичиков» мироздания являются строительным материалом и для атомов и, следовательно, для всего Млечного пути. Но, будучи «кирпичиками» атомов, движимые электроны сами состоят из «кирпичиков» очередного уровня, т.е. движимых «зерен» эфира и т.д. Примерно так же, движимые массы «зерен» эфира образуют и физические «поля», при этом вполне возможно, что движимые «зерна» эфира, образующие электроны, отличаются от той «породы» эфира, который создает «поля». Существуют концепции эфиродинамики, рассматривающие как вариант с одной «породой» зерен эфира для частиц и полей, так и с различными. Различные формы механических взаимодействий тел, частиц и зарядов могут быть, прежде всего, лишь **ФОРМАМИ** взаимодействий их «полей». Два тела могут взаимодействовать между собой взаимодействуя ор-

битами и, следовательно, полями «крайних» электронов. Т.е. оторвать тело от поля можно лишь в пределах очень узкой абстракции.

В теории же Эйнштейна возобладала концепция: **«не знаю, из чего состоят поля, но ТВЕРДО ВЕРЮ, что поле - это НЕЧТО абсолютно ИНОЕ»**.

С диалектической точки зрения **все формы взаимодействия** в мироздании **механистичны** и, в то же время, **не механистичны**, поскольку, с одной стороны, обусловлены **одновременным** движением различных форм **материи**, порождающей эти взаимодействия (... частица-тело, тело-тело, тело-«поле», «поле»-«поле», «поле»-эфир, эфир-частица...), а с другой стороны, взаимодействия материальных объектов происходят в системах **асубстратных** (нематериальных) объективных реальностей (в пространстве и во времени). И уж воздействовать на время механистически еще не удавалось никому, как бы медленно или быстро не ходили его механические часы. Кроме того, часть материи оформилась в человечество. А социальные взаимодействия, происходящие в этой форме материи, никак нельзя назвать механистическими, поскольку они основаны, прежде всего, на субъективных интересах.

Но если «почесать» любое конкретное «поле» (как и любой субъективный интерес), то, будучи материальным, оно обречено обладать корпускулярной структурой, а корпускулы взаимодействуют механически. Движущиеся и взаимодействующие между собой корпускулы эфира, образующие потоки, и порождают **ЭФФЕКТЫ**, к которым стали применять слово «поле». Т.е. любое поле это не мистическая среда, не имеющая ни предпосылок, ни производных, не настолько особая, чтобы говорить о её исключительности, а следствие движения эфирных масс, образующих нечто, отдаленно напоминающее водоворот в быстрой речке, «притягивающий» к себе не только молекулы воды, но и тела.

Впервые предметно задумавшись над фактами «притяжения» тел к Земле, железных тел к магниту, т.е. над «гравитацией», магнетизмом, электромагнетизмом, ученые той эпохи назвали области проявления этих физических процессов первым попавшимся «удобным» словом - «поле», ещё фактически ничего не зная о физической сущности магнетизма. Видимо, свою роль сыграло то обстоятельство, что первые картинки «поля» были получены благодаря расположению

железных опилок на **плоском** листе бумаги. Даже после того, как стало ясно, что «поля» имеют формы шаров, цилиндров, торов и других «фигур вращения», слово «поле» продолжает применяться. Хотя как раз философия требует, чтобы слово, принятое для обозначения чего-либо, хоть как-то соответствовало объективной природе этого явления, например, «паровоз», «ядерный реактор».

Что касается Эйнштейна, то, не имея **точных** сведений о физической сущности «полей», он погрузился в естественную для него «космическую религиозность» и **поверил**, что «поле» это совершенно ИНАЯ материя, которую никогда невозможно объяснить «механистически». В частности, Эйнштейн признался, что

«сначала понятие поля было не более, как прием, облегчающий понимание явлений с механической точки зрения. Наш новый язык — это описание поля в пространстве между зарядами, а не самих зарядов; описание поля существенно для понимания действия зарядов. Признание новых понятий постепенно росло, пока субстанция не была оттеснена на задний план полем. Стало ясно, что в физике произошло нечто весьма важное. Была создана новая реальность, новое понятие, для которого не было места в механистическом описании». (С.145)

Если бы Эйнштейн знал, что в переводе с латинского слово «субстанция» означает сущность, то он вряд ли стал писать, что «субстанция», т.е. **сущность** «была оттеснена на задний план полем». Это всё равно, как если бы сказать, что дядька в Киеве был оттеснен на второй план бузиной в огороде. Кроме того, фраза: «*Была создана новая реальность, новое понятие, для которого не было места в механистическом описании*» показывает, что физик Эйнштейн не видит различий между реальностью и понятиями и потому не понял, что поле между зарядами существовало всегда, и что его создали не физики, и даже не заряды, а физики лишь открыли для своего понимания то, что существовало всегда. Физики лишь «создали» свое, **позаимствованное у крестьян**, понятие: «поле».

Короче говоря, представления Эйнштейна о диалектической философии по поводу пределов и соотношения «механистичности» и «не механистичности» весьма относительны.

Ещё забавнее, с точки зрения любой фило-

софии, даже идеалистической, Эйнштейн понимает содержание категорий «понятие», «время» и «объективное». В той же работе (стр.166) он пишет: «*Благодаря применению часов понятие время становится объективным*».

Эйнштейн не смог понять, что **ПОНЯТИЕ** время может формулироваться, храниться, изменяться только в коре головного мозга **субъекта**. Т.е. **понятие** всегда **субъективно** отражает объективную действительность с той или иной степенью полноты. Для диалектической философии словосочетание «объективное понятие» более бессмысленно, чем «сапоги всмятку». Это всё равно, как если бы батарейку заряжали не объективными амперами, а понятиями об амперах, а формула Ампера непосредственно порождала молнию. Понятие «время», даже записанное на объективной бумаге на русском языке, ничего не скажет знатоку китайского языка. **Понятие** «время» в сознании разных физиков и философов — разное. Невозможно найти в природе даже пару часов, показывающих время абсолютно конгруэнтно. Измеряя время, даже по швейцарским часам, вам всё равно придется раз в четыре года прибавлять к февралю один день, систематически ускользающий от измерения часами, рассчитанными точно на 24 часа в сутки.

Отождествляя философию с философами, не видя разницы между наукой и мнениями дипломированных ученых, между объективным и субъективным, эйнштейнцы оставляют за своими читателями только одно право: **верить** всему тому относительному, что они сообщают людям о мире объективных физических явлений, и не пытаться усомниться в истинности обобщений, тем более, философских, сделанных Эйнштейном.

Почему же многие физики столь же рьяно, сколь и недобросовестно бьются за специальную и общую теорию относительности (СТО и ОТО)?

Прежде всего, потому, что «лейбл» сторонника теории Эйнштейна сегодня все ещё делает любого МНСа величиной, как в собственных глазах, так и в глазах миллионов тех, кто никогда не понимал СТО и ОТО и никогда не сможет её понять, но **смертельно** стесняется в этом признаться.

Если кто-либо сегодня признается в своей приверженности учению Ньютона, особенно в вопросах пространства и времени, это не создаст ему никакой «ауры» исключительности и таинственной степени «посвященности». Ньютон не

фетиш, он понятен даже школьнику и потому лишен мистического ореола.

Эйнштейн же не понятен никому, и потому каждый может заявить, что он-де как раз «понял» Эйнштейна, а кто не «понял», тот тупой. В этом случае, аура «крупного знатока физики» всякому Хлестакову обеспечена. Ведь не каждому убежденному атеисту захочется спорить в Мекке у Каабы с паломником на тему: «Существует ли бог?». Блажен чаще всего лишь тот, кто верует... вместе с толпой.

Поэтому, вполне закономерно, что после опубликования в журнале «Марксизм и современность» статьи*, в которой украинский ученый Игнатович обосновал ряд претензий к содержанию теории относительности и философским выводам Эйнштейна, в скором времени появился сердитый отклик его российского оппонента, Гамова**.

Но, вместо того, чтобы проявить себя как **физик-эксперт** и доходчиво растолковать читателям что-нибудь абсолютно конкретное из физического смысла теории относительности, Гамов по-адвокатски начал защиту Эйнштейна (**махиста** в философии) «цитатой» из экономических рукописей (1844 года) **философа-диалектика** Маркса, хотя подавляющая часть статьи Гамова посвящена как раз «доказательству» именно того, что диалектическая философия должна лишь черпать в физике подтверждения своим «постулатам» и бессильна что-либо дать физике.

И ВНОВЬ ОБРЕЗАНИЕ МАРКСИЗМА

Вот как выглядит «цитата» Маркса, вышедшая из-под «бритвы» Гамова:

«...Разрешение теоретических загадок есть задача практики и опосредуется практически... истинная практика является условием действительной и по-

ложительной теории...».

Даже если не обращать внимания на многозначность, и то нетрудно заметить, что Маркс ведет речь не только о практике вообще, но и об **истинной** практике. Однако что такое «истинная практика», Гамова не интересует, хотя можно предположить, что, по мнению Маркса, существует ещё и неистинная, т.е. ОШИБОЧНАЯ практика, которая, следовательно, не может привести к «разрешению теоретических загадок», а лишь приведет последующую общественную практику к идиотизму. Что мы и видим на каждом шагу, поскольку экономикой РФ давно уже руководят как раз практичные люди, разбирающиеся в философской и экономической **теориях** не более Ельцина с Брынцаловым. Гамов же над такими «мелочами» не задумывается.

Однако посмотрим, что на самом деле писал Маркс на 135 странице 42-го тома своих трудов:

«В какой мере, - спрашивает Маркс, - разрешение теоретических загадок есть задача практики и опосредуется практически, в какой мере истинная практика является условием действительной и положительной теории, видно, например, на ФЕТИШИЗМЕ».

Маркс, как видим, не утверждает, а задает себе и Гамову **один из** коренных **ВОПРОСОВ** диалектико-материалистической философии: о **МЕРЕ** взаимосвязи теории и практики. Из приведенного отрывка также следует, что, по мнению Маркса, фетишизм является **показательным** примером, на базе которого можно разобраться в некоторых вопросах **МЕРЫ** соотношения теории и **истинной** практики. Иными словами, в цитате, беспринципно обрезанной Гамовым, Маркс ещё ничего не утверждает, а лишь приглашает (на примере товарно-денежного **фетишизма**) разобраться в мере соотношения истинной теории и истинной практики.

То есть, Гамов «стесняется» вопросов, «не любит» категорию «мера», упрощенно понимает смысл категории «практика», но не стесняется практически резать цитаты там, где это ему удобно. Маркс же в приведенной цитате имеет в

* Статьи В.Н.Игнатовича «**Критические заметки по современной космологии**» и «**К диалектико-материалистической физике космоса**» были опубликованы в журнале «Марксизм и Современность» в номерах соответственно №3-4 за 2001г., №1-2 за 2003г. и №1 за 2004г., их можно найти на сайте marx-journal.comunist.ru

** Статья В.Г.Гамова «**По поводу одной статьи в «Марксизме и современности»**» была опубликована на сайтах профсоюза «Защита» (www.ppanorama.ru/zaschita/protiv_ignatovicha.html) и Коммунист.ру (www.comunist.ru/lenta/index.php?10210)

виду, что **фетишизм** это именно та самая **практика**, на базе которой создать **истинную** теорию вообще невозможно, поскольку практика фетишизма вызывает полную **АТРОФИЮ** научного мышления. Фетишизм и есть как раз слепое **практическое** поклонение чему-либо, он есть наиболее примитивная форма наукообразной религиозности, которую так ценил Эйнштейн.

В фетишизме, которым многие физики окружили теорию относительности Эйнштейна, и найдена **ВИДИМОСТЬ** пути выхода из очередного кризиса физики, а не реальный выход.

Строго говоря, после того, как установлен факт искажения действительного смысла цитаты Маркса человеком с партийным билетом в кармане, полемику с ним можно прекратить. Как минимум, невысокий научный и этический уровень адвоката релятивизма очевиден.

Уродование цитат уже само по себе **доказательство** того, что сторонники релятивизма боятся полемизировать с **подлинным** марксизмом. Они не могут, не искажая цитаты Маркса, доказывать свою «правоту». Тем самым, внутренне, наш поклонник релятивизма уже признал своё поражение.

Но разговор с физиками на тему философии необходимо продолжить, поскольку Гамов не первый из физиков и не случайно изуродовал цитату Маркса в самых её **поучительных, диалектических** местах. Не учтено, что подобная форма недобросовестности постепенно приводит **ЛЮБОГО** человека объективно в лагерь последовательных врагов науки, а затем к тяжелому личному преступлению, подобному тому, какое совершил сам Эйнштейн, обеспечив американским империалистам временную монополию на атомную бомбу.

Разумеется, физики влюблены в своё дело, гордятся тем, что в широком общественном сознании их науку относят к числу важных, полезных, элитарных областей знания. Но для многих физиков типичны философское верхоглядство и отнесение диаматики к «ненауке». Как показали митинги эпохи горбачевщины, именно физики средней руки, особенно зеленоградские и троицкие, за годы советской власти меньше всего разобрались в вопросе о партийности естественных наук и породили политических диссидентов больше, чем балет и «авангард» вместе взятые.

Отрезав вопросительную часть фразы: «в какой мере», Гамов, будучи в некотором смысле сторонником релятивизма, невольно придал ей

абсолютный характер и, тем самым, доказал свою собственную непоследовательность. Физик, убежденный в состоятельности методологии релятивизма, абсолютно никогда и ни в чем не может быть убежден абсолютно. Но, оказывается, Гамов, там, где ему выгодно, стоит на почве логического абсолютизма, и утверждает, что «...*разрешение теоретических загадок есть задача практики и опосредуется практически...*», а там, где ему это не выгодно, он стоит за теорию относительности, т.е. за релятивизм.

На самом же деле истина может быть достигнута и теоретически. Более того, если бы истина не достигалась теоретически, то на практике просто нечего было бы проверять и подтверждать. Ещё Леонардо да Винчи учил, что масштабная практика должна быть всегда воздвигнута на фундаменте правильной теории.

Таким образом, и в случае с Гамовым отчетливо видна объективная диалектика: как бы изощренно человек не выстраивал практику обмана, он обязательно сам загонит себя в логико-теоретический тупик.

Отрезав слово «**фетишизм**», Гамов попытался осознанно избавиться от той части фразы, в которой Маркс, задолго до грехопадения сторонников Эйнштейна, в общеметодологическом плане точно определил **причину** будущего неуверенного движения вперед современной теоретической физики.

Можно без преувеличения сказать, что «благодаря» Эйнштейну в физике последнего столетия вновь возобладал **фетишизм**. Сегодня для большинства современных молодых физиков относительно надежное восхождение на профессорский «олимп» теоретической физики возможно ровно в той мере, в какой они поклонятся фетишу, которому уже поклонились их учителя, запомнят наибольшее количество их ритуальных молитв и покажут рвение в борьбе с теми, кто улыбается, слушая специальные и общие сказки об искривлении «пространства» и замедлении «времени», об «о-о-очень больших взрывах» и т.п.

Гамов, как и многие другие, еще в студенчестве, заучив постулаты Эйнштейна, был вынужден зазубрить и некоторые его выводы, ставящие под сомнение бесконечность пространства, времени. Но поскольку это **спекулятивно урезанное** представление касается **всеобщих** категорий, отражающих объективную действительность, постольку в мышлении возникает синдром обрезанности и во всех остальных частных

вопросах, в том числе и в нравственных. Поэтому вполне закономерно, что сторонник обрезанности пространства и времени начал полемику с обрезания цитаты Маркса.

Нужно видеть муки Гамова, когда он пытается доказать, что материя, пространство и время, вроде бы и бесконечны, но не в том смысле, как это понимали Бруно, Ньютон и Энгельс. Умиляет один пассаж из статьи Гамова.

«Полностью соглашаясь, - пишет Гамов, - с этими словами т. Турсунова (т.е. с попыткой противопоставить понятие бесконечности и безграничности, что основательно смахивает на схоластику - В.П.), я, вместе с тем, позволю себе заметить, что спор Канта и Гегеля по поводу диалектики «конечное - бесконечное», неявно, содержал в себе философское доказательство эволюционирующей и развивающейся вселенной. Почему, однако, Ф. Энгельс этого утверждения не сделал для меня остается загадкой».

Как почему? Потому что Энгельс не читал Турсунова, а сам Гамов читал «собрание сочинений» Турсунова внимательнее, чем Энгельса.

Энгельс рассчитывал на то, что хотя члены коммунистических партий будут читать его труды внимательно.

ДИАЛЕКТИКА И ФИЗИКА

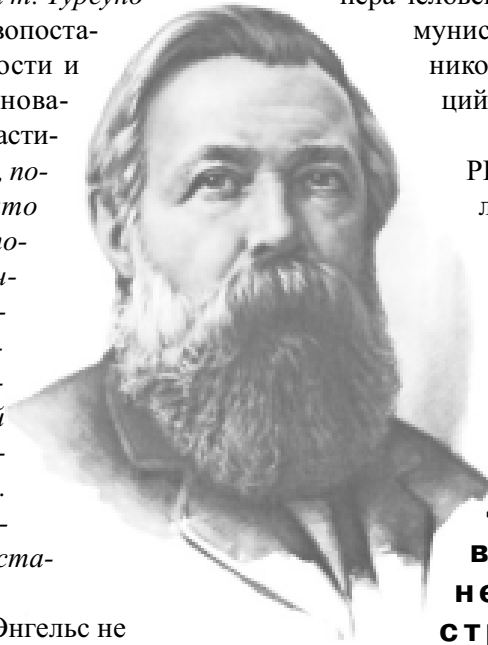
Гамов пишет:

«Автор статьи «Критические замечания по современной космологии», в доказательстве своего тезиса (о ложности современной космологии), пошел обратным, нежели это принято в науке, путем - от философии, возможно, превратно толкуемой, к науке, в которой он пытается разрешить имеющиеся в последней трудности и противоречия, следуя уже сделанному a priori философско-

му выводу».

Без сомнения, споры на почве «космологии» абсолютно естественная и необходимая вещь, поскольку, с одной стороны, космология ещё не достигла того уровня авторитета и практического использования, присущих, например, алгебре, а с другой стороны, она уже играет важную роль в укреплении религиозного мировоззрения граждан. Но оторопь берёт, когда читаешь строки, посвященные космологии, вышедшие из-под пера человека, который называет себя коммунистом и, одновременно, защитником... релятивистских концепций «космологии».

Странно слышать от члена РКРП, почти через сто лет после опубликования работы «Материализм и эмпириокритицизм», что движение к истине, идущее от диалектического материализма, есть «не принятый в науке путь». Ин-

«Вечность во времени и бесконечность в пространстве... состоят в том, что тут нет конца ни в какую сторону...»

Ф.Энгельс. Анти-Дюринг

тересно, на каком церковном соборе принято запрещение исследовать явления природы на основе выводов, уже сделанных диалектикой марксизма. Убежден, если бы, например, Геббельс прочитал это предписание Гамова: «Приступая к исследованию физических явлений, следует пренебрегать выводами диалектического материализма», он бы не пожалел железного креста и обязательно с дубовыми листьями.

Может ли действительно диалектическое мышление помешать научному исследованию физических явлений?

Игнатович, как и любой субъект, конечно же, может ошибиться в каких-то частных математических расчётах, «превратно истолковать» отдельные положения марксистской диалектики, но он абсолютно прав, когда утверждает, что необходимо особо внимательно отнестись к слу-

чаям, когда объяснение сути физического открытия противоречит **всеобщим** законам диалектического материализма. Принцип научного мышления: двигаться в процессе познания **от общего к частному**, т.е. от философского понимания мира (например, материя – первична...), являлся важнейшим принципом **диалектического** мышления.

Со времен Аристотеля подтверждено практикой: чем обильнее арсенал знаний ученого об окружающем его мире, чем выше степень систематизации, т.е. **обобщения** этого материала, тем глубже его научные открытия по частным проблемам. Именно поэтому в университетах множество кафедр, и все они по пять лет учат студента, чтобы привить ему **общее** представление обо всем том богатстве, которое накопила культура. Чем глубже и шире знания студента, тем выше вероятность, что им будет сделано очередное действительное честное открытие. А поскольку у большинства современных студентов дело не идет дальше дипломного проекта, постольку приходится признать, что современные методики подготовки узкого «специалиста» не способны эффективно и массово «переплавлять» частные знания в знания об общем.

Признание своеобразного главенства общего над частным в философии марксизма, конечно же, не означает отрицания метода стихийного накопления частных, отрывочных, бессистемных знаний об отдельных физических явлениях окружающего нас мира. Но никто не будет называть первобытного папуаса физиком, хотя тот твердо помнит, например, что дым поднимаются вверх, а банан падает вниз.

Научные наследия Леонардо да Винчи, Ньютона, Ломоносова, Маркса, Ленина, Вернадского живучи потому, что каждое из них покоится на фундаменте **широкого** мировоззрения, т.е. на знании **общего**. Всякий раз, когда у настоящего учёного возникает ощущение локального теоретического открытия, он рассматривает совместимость своего открытия с **общими** достижениями других наук, с тем, что апробировано в производственной или экспериментальной практике. Всякий раз, когда нормальный ученый сталкивается с конкретной проблемой, он пытается объяснить её теоретически, мобилизуя всю широту своих представлений об общих условиях, способных породить данный феномен. Такой подход и есть минимально необходимый элемент диалектического, т.е. философского подхода.

Но многим физикам, как и Гамову, напротив, кажется, что если они (насмеявшись вдоволь над философией, т.е. наукой об общих законах развития природы, общества и мышления) возьмут в качестве объекта исследования, например, один электрон, «наколют на булавку», сосредоточат на нем одно все внимание, не будут отвлекаться на всякие там протоны и нейтроны, тем более, на диалектику, то электрон быстренько откроет все свои тайны.

Приоритет частного над общим, узкого «профессионализма» над универсализмом превращается в принцип мышления у многих физиков именно потому, что они (не замечая этого) осуществляют процесс **научного** познания по методике годовалого ребенка, **впервые** столкнувшегося с конкретным явлением природы (ветер дует потому, что качаются деревья). Однако если у ребенка это обусловлено естественными возрастными причинами, то у многих современных физиков – методологически установленными эмпириокритицизма, релятивизма, позитивизма и т.п., незаметно привнесенными в их сознание на лекциях по философии в институте. Дикари и дети, а также диалектически необремененные интеллигенты потому и беззащитны перед лицом стихии, быта и социально-политических «перестроек», что приучились абстрагировать свой ум от проблем **ОБЩЕГО** устройства мироздания во имя сиюминутно «экономного мышления».

Как может навредить добросовестному ученому признание за **диалектической спиралью** функции общей логической матрицы, указывающей на один из общих законов развития природы, общества и мышления, т.е. на то, что всякое знание развивается, а развитие предполагает отрицание и, в то же время, преемственность, но на ином качественном уровне? Может быть, исследованию мира физических явлений мешает знание диалектического закона единства и борьбы противоположностей, а модель атома (по Резерфорду) появилась раньше гегелевской формулировки закона о **единстве** противоположностей? Разве Менделеев раньше Гегеля и Маркса сформулировал закон о неразрывной взаимосвязи качественных и количественных изменений, о периодических **скачках** в развитии всего и вся?

Гамова совершенно не занимает проблема: как мыслит физик? Методично или «на авось»? Ему кажется, что метод мышления у физика – физиологический, у химика – химикологический,

кий. Между тем, даже математика есть лишь частный случай диалектического мышления (для тех, кто понимает сущность движения мысли от «минус» до «плюс» бесконечности). Более того, и физика, и химия как системы локальных научных знаний - обе они частные случаи применения диалектического мышления к конкретным областям бытия. Условность их обособления доказана успехами и физической химии, и химической физики.

Гамов, видимо, не знает, что слово «диалектика», переведенное на литературный русский язык, означает, прежде всего, **добросовестный спор ученого С САМИМ СОБОЙ** по поводу исследуемого явления **объективной действительности** до постижения **истины** того или иного порядка и безусловного разоблачения собственных субъективных **заблуждений**. При этом именно диалектика, более чем любая другая методология, безусловно, предполагает **обязательную** проверку теоретических выводов **на практике**, т.е. марксистская диалектика не противопоставляет теорию и истинную практику, мысль и истинный факт, а исходит из единства этих противоположностей.

Диалектическое мышление и правильное мышление есть синонимы. Абсурдом являются словесные конструкции: «Он мыслит правильно, но не диалектично», или, наоборот, «Он мыслит диалектично, но неправильно». Невозможно мыслить не диалектично, но правильно. Если общественная практика опровергла «теорию», то это может означать только одно, что её автор мыслил не диалектично.

А как же крушение СССР, спросит релятивист? Не является ли это практическим доказательством несостоятельности диалектического мышления?

Нет, не является. Как показала практика, Ленин на базе марксистской диалектики одержал грандиозные победы над всеми своими врагами-современниками как внутри партии, так и вне её. После Ленина, только Сталин в ЦК ВКП(б) обладал диалектическим мышлением и потому обеспечил ВКП(б) беспрецедентные в истории человечества победы на политическом, культурном и экономическом поприщах над всеми врагами-современниками.

Но диалектики-практики не вечны. На смену им могут прийти и просто откровенные дураки. Ясно, что Хрущева и Горбачева называть

грамотными людьми, а тем более диалектиками, может только абсолютно бессовестный субъект. Специально для релятивистов заметим, что в ходе «перестройки» в СССР общественная практика опровергла не марксизм, поскольку, начиная с XX съезда, КПСС, под руководством Хрущева, фактически заменила строительство коммунизма идиотской трескотней о его строительстве, штурмовщиной и хозрасчетом. Иными словами, общественная практика опрокинула **хрущевско-троцкистскую** модель уродования социализма, построенного под руководством Ленина и Сталина. Практика современных страданий сотен миллионов бывших граждан СССР и других стран СЭВ - это как раз та самая **истинная практика**, которая подтверждает и еще раз практически вдальблывает в зады обывателей азы марксизма о бесчеловечности рынка вообще и, особенно, его монополистической стадии, т.е. те самые идеи, которые обыватели не желали загружать в сознание через голову, «проходя» диамат в институтах.

Однако, чтобы, действительно, стать учёным-диалектиком в какой-либо локальной сфере бытия, не обязательно зазубривать Гегеля наизусть, как стихи (хотя и это не помешает).

Для начала естествоиспытателю достаточно понять (не поверить, а именно понять) простую **диалектическую** истину: все явления в природе есть формы проявления материи. Попытка Эйнштейна избавиться от изучения материи, т.е. среды, в которой распространяется свет, и поставило его теорию в один ряд с мистическими «теориями» и позволило сформулировать на ее основе много религиозных сказок.

Когда же естествоиспытатель понимает, что **материя** - объективная реальность, что её характеристики и отношения органически взаимосвязаны, тогда добросовестному ученому неизбежно явится **идея**, например, расположить уже известные атомы в порядке возрастания их «объективной **материальности**», т.е. материальных **масс**. Менделеев в химии, как и Маркс в политической экономии, объял «гору» субъективных теорий и проверенных практикой объективных фактов, в данном случае, свойств атомов, творчески переработал изученный материал, и потому, в конце концов, **материя** открыла Менделееву одну из своих наиболее **общих** философских «тайн» - цикличную зависимость

своих свойств от массы атомного ядра.

Следует заметить, что нотариальных свидетельств тому, что Менделеев был основательно знаком с гегелевской «Наукой логики» - нет. Скорее, Менделеев «просто» ЧЕСТНО думал над проблемами «кризиса» в химической науке и, как материалист, исходил из того, что объективного хаоса в мире химических элементов «априори» быть не может. Химические элементы существовать в хаосе могут только в сознании недобросовестных ученых. А думать **честно** над **фактами** объективной действительности, т.е. не низкопоклонствуя перед субъективными авторитетами, это уже означает думать диалектично.

И все же, если бы Менделеев заранее знал, что, в соответствии с законами диаматики, все процессы в природе и обществе протекают «по спирали» с неравномерным «шагом винта», то не исключено, что закон «спиральности» системы элементов был бы найден чуть раньше. Менделееву же пришлось сначала расположить практически все известные элементы в порядке возрастания их атомных весов, затем почувствовать закономерность, а потом, уже во сне, достроить периодическую таблицу с предсказанием свойств ещё найденных элементов. Но отсутствие второго Менделеева в химии, говорит о том, что невозможно систематически делать важные открытия во сне.

Забавно, что большинство ученых, сделавших выдающиеся открытия, не отдают себе отчета в том, что они при этом мыслили диалектически. Скорее всего, они об этом не догадывались, и именно потому армию физиков так **редко** посещают гениальные прозрения. Но тот **факт**, что действительно открытые законы физических явлений никогда **не противоречат** диалектике, свидетельствует, что физики, порой, не только шутят, но и думают диалектически, хотя об этом не ведают, подобно известному мольеровскому персонажу, не подозревавшему, что всю жизнь говорил прозой.

Поэтому, ровно в той степени, в какой бессмысленно пенять на зеркало обладателю ассиметричного лица, в такой же степени бессмысленно физикам пенять на диалектику. Ведь даже в эпоху формального контроля со стороны парткомов КПСС большинство физиков - соискателей ученых степеней - диалектику зазубривали лишь «как-нибудь», но не понимали её, как не понимали её и большинство советских офици-

альных «фелшаров» философии «типа» Волконогова или Юшенкова.

Тот факт, что физика время от времени переживает кризисы, не делает чести степени «системности» мышления физиков и позволяет говорить о некоторых из них только как об алфизиках.

Современные алфизики не содержат в своём сознании ни грамма сознательной диалектики, а лишь её название. В их сознании господствует философский «камень». Как показала история, алфизики иногда замечают тот или иной факт в «Гольфстриме» протекающих мимо них фактов, но очень трудно рожают объяснение этому факту. И в редкостного героя превращается тот, кто всё-таки находит этому факту хоть какое-то объяснение.

Поэтому необходимо повторять до полного усвоения, что, если один малоизвестный физик защищает, почти как адвокат, всемирно известного физика, но сам не открыл ни одного закона, не развил учение своего же «подзащитного», то это является **доказательством** методологической несостоятельности самого защитника. Зачем ефрейтору защищать учение Суворова? Если учение понято, то его надо претворять в жизнь, развивать и становиться Кутузовым.

Конечно, физики-адвокаты могут сказать, что фундаментальные законы природы открывать о-о-чень трудно. А никто и не спорит. Но почему их так трудно открывать? Нет сомнения, что открывать законы физики тем труднее, чем **меньше** дипломированный физик владеет **диалектическим** методом.

Сторонники теории относительности третируют философов-диалектиков... комплиментами, утверждая, что в вопросах физики они стоят на устаревших позициях Бруно и Ньютона, а дальше совершенно абсурдно приписывают им же разговоры о «флогистоне», «электрической жидкости» и других подобных глупостях. Но всем известно, что не диалектики, а **именно ФИЗИКИ**, не подозревая о диалектике **взаимосвязи глубинной сущности и поверхности явления, чаще всего хватались за пустые, беспринципные аналогии, как говорил Гегель, «в их неразвитой напряженности», и породили «учения» о теплороде, флогистоне, электрической жидкости, дефекте массы, замедлении времени, искривлении пространства, большом взрыве и других несурзацах.**

«ЧЕМ ДАЛЬШЕ В ЛЕС...», ТЕМ БОЛЬШЕ БЕСПРИНЦИПНОСТИ

Гамов учит:

«Данный метод разрешения противоречий (т.е. движение от диалектики марксизма к «науке» - В.П.) полностью взят из отвергнутой еще Уильямом Оккамом схоластики и, почти наверное, и в данном случае - как и во всех, известных науке «объяснениях» с использованием данного метода - должен был привести т. Игнатовича к использованию (в объяснении логических и действительно имеющих в современной науке парадоксов) только тех аргументов, которые прямо следуют из положенного в основу доказательств метода».

По прочтению подобной фразы, невольно вспоминаешь анекдот: «Каждый мыслящий индивидуум, подходя абстрактно к банальной истине...». Кто ясно мыслит, тот ясно излагает. К сожалению, этого не скажешь о вышеприведенной фразе Гамова. Гамов, «почти наверное», хотел сказать следующее: «Посмотрим, как удалось Игнатовичу с помощью диалектики разобраться в фактических и логических парадоксах современной физики». У Гамова наивное представление о слове «наука», как будто наука это нечто, живущее вне мозгов и подчиняющееся мнению большинства на данный момент времени. Между тем, наукой называется только то, что, представляет собой не ворох фактов и мнений, а **систему** открытых **ОБЪЕКТИВНЫХ** законов, подтвержденных общественной истинной практикой, т.е. освоенных людьми и, в конечном итоге, управляющих их сознанием. Принятие «истин» голосованием происходит только там и тогда, где и когда господствует демократическое невежество.оборот: «Принято в науке» есть ширма, за которой прячется воинствующий догматизм.

Что касается «самого» Оккама. Во-первых, разве классики марксизма не достаточно «поколотили» схоластику, обнажили идиотизм этого «метода»? Какая практическая необходимость призывать на помощь философский прах Оккама 14 века? Только для того, чтобы удивить своей начитанностью? Но такая «начитанность» гра-

ничит с неразборчивостью. Во-вторых, во всех известных мне энциклопедиях, начиная с Эфрона, Оккам признается **схоластом-номиналистом**, оставившим в истории религиозной философии след «бритвы Оккама», которой тот пытался вырезать из науки все понятия, несводимые к продуктам **интуиции** и непосредственного **опыта**. В этом с ним смыкаются и Юм, и Мах, т.е. агностики и эмпириокритики. Показательно, что уже философия Возрождения схоластику Оккама признавала непродуктивной, но об Оккаме вспоминали всякий раз, когда клерикализм получал некоторое оживление. Неужели Гамов действительно думает, что схоласт Оккам мог действительно отвергать схоластику?

Далее Гамов пишет:

«Напомним, что специальная теория относительности сняла с повестки дня науки вопрос о свойствах эфира - гипотетической материальной среды, в которой, как предполагалось, распространяется свет».

Напомним и мы, что вопрос был «снят» только для верующих в **специальную** теорию относительности Эйнштейна. А для верующих в **общую** теорию относительности Эйнштейн в 1920г. пишет, что

«...общая теория относительности наделяет пространство физическими свойствами; таким образом, в этом смысле эфир существует. Согласно общей теории относительности пространство немислимо без эфира; действительно, в таком пространстве не только было бы невозможно распространение света, но не могли бы существовать масштабы и часы, и не было бы никаких пространственно-временных расстояний в физическом смысле этого слова. Однако этот эфир нельзя представить себе состоящим из прослеживаемых во времени частей; таким свойством обладает только весома материя; точно так же к нему нельзя применить понятие движения». А.Эйнштейн. Собр. Научн. Трудов. М., «Наука», 1965. Эфир и теория относительности. с. 689.

В 1924 г. А.Эйнштейн в статье «Об эфире» сообщает, что

«...мы не можем в теоретической физике обойтись без эфира, т.е. без континуума, наделенного физическими свойствами, ибо общая теория относитель-

ности, основных идей которой физики, вероятно, будут придерживаться всегда, исключает непосредственное дальное действие; каждая же теория близкодействия предполагает наличие непрерывных полей, а, следовательно, существование «эфира». А.Эйнштейн. «Об эфире». Там же, т. 2, 1966, с. 160.

Таким образом, не теория относительности «сняла с повестки дня науки вопрос о свойствах эфира». Наоборот, Эйнштейн, удобным для себя образом, интерпретировал результаты опыта Майкельсона-Морли (М-М), их попытку «поймать» эфирный «ветер», якобы увлекаемый вращением Земли. То есть эфир, как

«Учение о пространстве и времени неразрывно связано с решением основного вопроса гносеологии: представляют ли из себя наши ощущения образы тел и вещей, или тела суть комплексы наших ощущений.»

Ленин В.И. «Материализм и эмпириокритицизм».

считают некоторые интерпретаторы опытов М-М, не был обнаружен. Опыт должен был прояснить вопрос о существовании эфира, **пассивно заполняющего пространство**. Но опыт дал, якобы, отрицательный ответ. Это обстоятельство возможно и вынудило Эйнштейна подтянуть СТО под предположение об отсутствии эфира.

Кстати, сам Эйнштейн, обнажая беспринципность релятивистского метода мышления, пишет в своей совместной с Инфельдом работе «Эволюция физики»:

«Сперва поле рассматривали как нечто, что впоследствии можно будет истолковать механистически с помощью эфира. Со временем стало ясно, что эту программу нельзя (Кто запретил? - В.П.) осуществить, что достижения теории поля стали уже слишком поразительными и важными, чтобы их можно было

*заменить механистическими догмами. С другой стороны, задача придумывания механической модели эфира представлялась **все менее и менее интересной** (Какой сильный «научный» довод! - В.П.), а результат, в силу вынужденного и искусственного характера допущений, все более и более обескураживающим.*

Единственный выход — это допустить, что пространство обладает физическим свойством передавать электромагнитные волны, и не слишком много заботиться о смысле (Еще одна «тайна» релятивистского метода «мышления» раскрыта. - В.П.) этого утверждения. Можно еще употреблять слово «эфир», но только для того, чтобы выразить упомянутое физическое свойство пространства. Слово «эфир» изменяло свой смысл много раз в процессе развития науки. В данный момент оно уже не употребляется для обозначения среды, построенной из частиц. Его история, никоим образом не законченная, продолжается теорией относительности». Альберт Эйнштейн. Эволюция физики. — М.: Устойчивый мир, 2001. - С.146-147.

То есть, если «задача придумывания механической модели эфира» представлялась Эйнштейну «**все менее и менее интересной**», то ему пришлось подогнать теорию под то, что «**интересно**», и не мучаться исследованием форм материи, способных передавать волны световых частот. Тем более, что даже невооруженному глазу «видно», что свет распространяется в пространстве и, «следовательно»,... самим пространством.

Самое забавное в опыте М-М, состоит в том, что физики искали нечто, о свойствах чего не имели конкретного представления. Это всё равно, как если бы Гамов строил ловушку одинаково пригодную для ловли НЛЮ, «снежного человека» и нейтрино. И хотя Гамов категорически против примитивных приборов для проведения физических экспериментов, дескать, не те настали времена, он почему-то безоговорочно доверяет опытам Майкельсона-Морли, проведенных

на «аппаратуре», сделать которую сегодня может любой плотник, не говоря уже о столяре.

Эйнштейн нашел относительно простой способ облегчить себе научную работу. Он не стал спорить ни с опытом М-М, который кое-какие, как ни странно, величины эфирного ветра показывал, ни с противниками гипотезы эфира, он просто предложил заменить слово «эфир» словом «пространство». Эйнштейн не стал исследовать **физические** причины «кривизны пространства». Он даже не очень упорствовал в уточнении противоречий между понятиями «пространство» и «замкнутый объем». Он, конечно, мог предположить, что кривизна пространства порождена именно кривизной форм движения эфира, но раз эфир пока явно не обнаружен, тем более пассивно заполняющий «пространство», то и незачем «дразнить гусей». Хотя, достаточно было в аэродинамической трубе продуть сферу, образованную двумя соединенными дуршлагами с крупными отверстиями, чтобы понять, что для эфирного потока любое небесное тело существенно более прозрачно, чем дырчатый дуршлаг для потока газа. Но, чтобы приблизить эксперимент к космической реальности, следует поместить сферический дуршлаг в газовый вихревой поток, чтобы выяснить, может ли дуршлаг, раскручиваемый вихрем газа, как планета эфирным потоком, порождать еще и дополнительный «ветерок». Или «дуршлаг», наоборот, притормаживает «эфирный» поток, уплотняет его и, следовательно, повышает скорость распространения света в любом направлении.

Но, при естественном вращении сферического дуршлага под воздействием вихревого газового потока, никаких дополнительных «ветров», имеющих существенные характеристики, возникнуть не может, как не может возникнуть серьезных аэродинамических явлений от рыболовной сети, натянутой на яхте вместо парусины. А наличие в опыте М-М молекул воздуха между зеркалами делает опыт по выявлению эфира некорректным. Ещё хорошо, что экспериментаторы не догадались пространство между зеркалами заполнить сажой.

Странно, что только противники Эйнштейна задаются вопросом о физической природе сил, которые не только вращают Землю вокруг оси (что это за «пары сил»?), но и вынуждают все космические тела двигаться как по планетарным орбитам вокруг звезд, так и по орбитам, например, комет, астероидов и метеороидов. Только противники Эйнштейна ведут разговор о существо-

вании гигантских «потоков» одной из малоизученной формы материи, условно говоря, «эфира», которые и увлекают звезды, планеты и, одновременно, проводят свет по своим искривленным потокам.

«Торсионные поля», о которых иногда пишут сторонники Эйнштейна, на самом деле это не свернутое в трубочку и спирали «пространство», а бесконечно «тонкие» и бесконечно протяженные бесконечно многочисленные спирали «эфирного ветра», образующие эфирные макротоки, «архимедовы винты», не только приводящие во вращательное движение планеты и звезды, но и пронизывающие все космические образования от звезд до электронов, протонов и т.д., по **всем** направлениям, одновременно формируя эти тела, «элементарные» частицы и приводя во вращение и орбитальное движение внутриатомные, внутриядерные системы.

Земля, Солнце не плавают в неподвижном эфире, заполнившем пространство, а движутся и вращаются, **увлекаемые** бесконечно большими массами движущегося эфира. Т.е. скорее можно поймать эфирный ветер, обгоняющий планету, чем эфирный «пыль», поднятый планетой.

Всё более распалая себя в праведном гневе, Гамов пишет:

*«Напомним далее, что положение с употреблением этого понятия в физике к концу XIX-ого века стало поистине нетерпимым. Эфир, с одной стороны (как ранее и теплород в материальной теории теплоты), был крайне необходим теории - на его существование, казалось бы, прямо указывала электромагнитная теория Максвелла, его реальное существование, **почти несомненно** (Это, типичное для релятивистов, «почти несомненно» - суть «логики» Гамова. В.П.), вытекало и из других разделов физики. Тот же эфир - и об этом тоже свидетельствовали независимые друг от друга различные физические теории - представлял собой среду с набором взаимоисключающих свойств. Он должен был быть сверхтонкой материей, проникающей внутрь всех известных химии веществ. (Что же здесь может смутить физика, если размер единицы эфира соотносится с электроном, как электрон соотносится, например, с Землёй. Ясно, что для частиц такого эфира, электрон*

«прозрачнее», чем Земля для нейтрино. В.П.) Он должен был заполнять все физическое пространство (А здесь что «взаимоисключающее»? В.П.), должен был - в отличие от всех газов - не оказывать сопротивление движущимся в нем телам (Неужели трудно понять, что не планеты летят по воле бога наперекор сопротивлению эфира, а наоборот, потоки эфира, уплотняясь в местах своего пересечения, образуют «небесные» тела, летящие в потоках эфира со скоростью, диктуемой массой и скоростью этих потоков, а также величиной «парусности» небесных тел, определяя их орбитальные скорости и, следовательно, «номер», орбиты. В.П.) одновременно должен был обладать упругостью, на многие порядки, превосходящую упругость самой упругой стали...».

Т.е. Гамова смущает, что в «рыхлой» газообразной среде свет «не должен» распространяться со световой скоростью, ибо колебания световой частоты, якобы, передаются «быстро» только в «упругих» средах. Гамову трудно представить, что расстояния между частицами эфира в миллиарды раз меньше, чем между электронами и ядрами самих упругих металлов и кристаллов. Поэтому на передачу взаимодействия световых частот космическому эфиру придется тратить времени существенно меньше, чем даже в среде газообразной или жидкой, в которой эфир «разрежен» электронами, протонами и нейтронами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Честно говоря, в статье Гамова я не нашел ни одного фрагмента или утверждения, который делал бы теорию Эйнштейна более обоснованной, чем это сделал сам Эйнштейн. Поэтому в данной статье пришлось ограничиться преимущественно аспектами философской несостоятельности СТО и ОТО. Но возникает вопрос. Почему, например, Марксу удалось создать теорию, сторонники которой готовы идти по пути, указанному её создателем, совершая подвиги самопожертвования, не имеющие прецедента даже в истории первохристи-

анства, а сторонники Эйнштейна или повторяют за учителем как школьные зубрилки, или «ботают по фене»?

Маркс понимал, что

«в науке нет широкой столбовой дороги и только, кто не страшась усталости, карабкается по её каменным кручам, достигнет её сияющих вершин».

Почему Гамову не только не удалось создать новую физическую теорию, но и защитить теорию Эйнштейна? Потому, прежде всего, что он руководствуется несколько иным, чем Маркс правилом.

«... в науке, - пишет Гамов, - существует единственный способ доказательства ложности той или иной теории. И этот метод - указание на один-единственный факт, противоречащий данной теории. До сих пор, такого единственного, противоречащего ОТО, факта никем приведено не было, а вот другие (без привлечения ОТО) объяснения «трех фактов», в том или ином пункте вступали в противоречие не с одним, а иногда с целым списком, ранее установленных фактов».

Если бы было так, то теология, как разновидность древнейшей теории, давно была бы опровергнута, поскольку бога нет, ни Перуна, ни Яхве, ни Одина, ни Саваофа, ни Троицы, а теория богословия, не имеющая объекта исследования, существует. Правда, Гамов может сказать, что отсутствие бога требует доказательства на фактах. Но тогда причина защиты Гамовым теории Эйнштейна станет ещё очевиднее.

В теории Эйнштейна, как и в богословии, почти все держится на силе одного неумовимого фактора, на силе гравитации и гравитационных «полей». Но, если в распоряжении современных физиков есть даже лунный грунт и материал метеоритов, залетевших на Землю из глубин космоса, то у сторонников Эйнштейна нет ни «грамма» гравитационного поля, ни одного приличного объяснения механизму «притяже-

ния», хотя все утверждают, что гравитационное «поле» существует.

Физики кое-что уже знают о магнитных и электромагнитных «полях», умеют их генерировать, использовать и управлять ими. Сторонники эфира порой пытаются «поймать» материал эфира, выделить его, как конкретный элемент физической среды, и даже утверждают, что в некоторых опытах удалось получить явные доказательства наличия именно эфира. Сторонники же гравитационной теории «искривления пространства» ничего конкретного о природе гравитации и гравитационных полей сказать не могут, как не могут генерировать и управлять этими полями.

Футбольный мяч, отскакивающий от земли, показывает, что сила отталкивания молекул в мяче, возникшая в результате дополнительного роста давления при падении мяча, сильнее силы притяжения ВСЕХ молекул Земли, создающих гравитационное «поле». Если бы Ньютон составлял теорию всемирного притяжения не на основе одного лишь опыта с падением яблока, а попытался бы объяснить это и с точки зрения яблока, отскакивающего от земли, то возможно теория гравитации была более диалектичной. Возможно, что не сила всемирного притяжения, а сила всемирного отталкивания в соединении с эфиродинамикой лучше объяснит физическое устройство мироздания.

Кроме того, сторонники теории Эйнштейна и не пытаются объяснить почему, говоря об атоме, они никогда не говорят о его гравитационном поле. А когда атомы объе-

диняются в физическое тело, у него появляется гравитационное «поле». Откуда оно берется? Скорее всего, физическая сущность процесса «притяжения» абсолютно не нуждается в гравитационных «полях». А вот с точки зрения эфиродинамики, процесс притяжения, в значительной части случаев, объясним.

Интрига усиливается тем, что недавно нобелевский комитет вручил премию ученым, открывшим, что гравитационные силы существуют между разобщенными элементарными частицами, но исчезают, если частицы приходят в непосредственное соприкосновение. Получается, что сила притяжения тел к земле должна уменьшаться пропорционально интенсивности их облучения альфа и бета частицами. Или, чем выше плотность вещества звезды, тем меньше её гравитация, тем, следовательно, меньше «кривизна пространства» вблизи тел с большой массой.

Короче говоря, если Гамову нужен один единственный факт, то многовековое **«разбегание Вселенной»** убедительно доказывает **ОТСУТСТВИЕ** важнейшего фактора теории относительности: **гравитационных полей**. Разбегание космических систем доказывает отсутствие сил гравитации и преобладание сил отталкивания. Следовательно, теория относительности ошибочна.

То, что яблоко падает не землю, знают все, даже философы. Но почему? Вопрос не имеет пока физически обоснованного ответа.

Апрель 2005

КРИТИКА**КАК НАДО СТРОИТЬ
КОММУНИЗМ?***А. Каллистов*

В газете «Мысль» №14 (249) за 2004 год появилась статья члена РКРП-РПК А. Буслаева под заголовком «Строить коммунизм или топтаться на его низшей стадии?». Надо сразу сказать, вопрос для коммуниста, извините за резкость, идиотский. Что значит строить коммунизм или не строить? Конечно, строить. Но вот вторую часть вопроса следовало бы сформулировать иначе: реально строить коммунизм или привести его к краху? Ответ – строить, но при этом думать головой.

Каждый, кто изучал историю советского периода нашей страны, знает, что строительство коммунизма началось у нас с защиты его – коммунизма – низшей фазы. Точнее, даже не самой фазы, а с её первой части – захвата пролетариатом власти. Ещё не была полностью ликвидирована частная собственность на средства производства и эксплуататорские классы, не была построена социалистическая нерыночная экономика, а начинать пришлось с защиты молодой Советской власти. И уже в этот момент в рядах коммунистической партии, даже в её руководстве, появились некоторые личности которые, если верить в их искренность, страстно требовали не топтаться, не строить коммунизм, а **вводить** его немедленно и в полном объёме. Но жизнь показала, что это была одна из форм борьбы с Советской властью. Таковы были Троцкий и его единомышленники.

Ссылаясь на учение Маркса и Энгельса о мировой революции (в принципе совершенно

верное и не потерявшее актуальности и в наши дни) они призывали к немедленным наступательным действиям. Без подготовки, без надёжного тыла, без необходимой материальной базы, даже путём самопожертвования целым народом. «Только вперёд! Сожжём российский народ в топке мировой революции!» - глаголили троцкисты на всех перекрёстках. Не только глаголили, но и действовали. Троцкисты пытались сорвать Брестский мир и чуть ни погубили нашу молодую революцию. Только благодаря гению Ленина, его нечеловеческим усилиям страна получила хотя и краткую, но жизненно важную и необходимую передышку, что дало возможность хоть минимально подготовиться и одержать победу в Гражданской войне и ликвидировать военную интервенцию четырнадцати империалистических государств. Но троцкисты не унимались.

Под руководством И.В. Сталина страна совершила индустриализацию, осуществила коллективизацию сельского хозяйства, культурную революцию, успела идейно и организационно подготовить народ к войне. Накануне войны, в конце 30-х годов был идейно и организационно разгромлен троцкизм. Было установлено, что «антитоптатели» давно уже превратились в буржуазную агентуру, а их «теории» были призваны сжечь СССР в горниле Второй мировой войны. Не вышло! Окрепшая страна, хотя и с огромными потерями, не только отразила военное нашествие немецко-фашистской военной машины, на которую рабо-

---

Редакция журнала «Прорыв» выпустила книгу **ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ И ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**», в которой собраны статьи товарища Каллистова с 1997 года по ноябрь 2003 года. В книгу вошли 31 статья из цикла «XX век. Мифы и реальность» и отдельные статьи, письма и ответы оппонентам. Книгу можно приобрести, связавшись с редакцией журнала «Прорыв».

тала вся промышленность Европы, но и принесла идею социализма в Восточную Европу. Образовался лагерь социализма и демократии. На путь антикапиталистического развития встали народы и других стран мира.

Однако, глядя с высоты сегодняшних лет на дальнейшее развитие событий, мы, ровесники этого периода истории, чётко видим, что строить коммунизм в странах Восточной Европы по рецептам А. Буслаева было бы совершенно нереально. Народная власть там была непрочной, а коммунистические партии ослаблены фашистскими репрессиями и собственным оппортунизмом. Национальная буржуазия, правда, не пыталась организовать там гражданскую войну из-за присутствия на территории этих стран частей Советской Армии. Но она стала действовать теми методами, которые с 1955 по 1991 годы взяла на вооружение и наша подпольная буржуазия: осторожно, тихой сапой. И поэтому решение вопроса с помощью советских танковых колонн, как это было в Венгрии и Чехословакии, не дало нужных результатов.

Первая фаза ренессанса троцкизма в нашей стране открыто проявилась в 1961 году в Программе КПСС, где было сказано, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», т.к., дескать, он, коммунизм, должен был быть построен за предстоящие двадцать лет.

В своей статье А. Буслаев утверждает, что этот лозунг всячески оплёвывали не только буржуазные идеологи, но и «многие из тех, кто называет себя коммунистами». Насчёт буржуазных идеологов не знаю, не читал и не слышал. Может быть, автор назовёт конкретно хотя бы одного из них с приведением цитаты из их высказываний. Я лично сомневаюсь: зачем им критиковать нас за то, что помогает лить воду на их мельницу. Я помню, как многие годы западные «голоса» за что только нас ни критиковали, а вот за пьянство – ни разу. Ведь разившееся у нас со времён Хрущёва и позднее пьянство было им только выгодно.

Но что касается коммунистов, то лично я не оплёвывал, а показывал утопический, троцкистский характер этого лозунга. Конечно, де-

лал я это не в открытой форме. Я совсем не собирался быть записанным в диссиденты и изгнанным из страны, как Зиновьев и некоторые другие. Что же касается «называния себя» коммунистом, то меня лично называли таковым коммунисты первичной партийной организации штаба 54-го гвардейского миномётного полка в июле 1945 года. И с того времени, вот уже без малого 60 лет **меня называют** (а не я называю себя) коммунистом. И не автору рассматриваемой статейки лишать меня этого высокого звания.

Поразительная вещь: автор статьи, претендующий на «оригинальность мышления», столь банален в методике подачи своих идей. В народе давно говорят, что громче всех кричит «Держи вора!» сам вор. Чего, например, стоит только такой пассаж автора: «...*воссоздать прежний социализм, но, естественно, очищенный от недостатков и пр. сегодня эта троцкистская идея всё быстрее теряет сторонников, поэтому не будем на ней останавливаться*». Как ловко!

Но, дело в том, что, во-первых, классики марксизма, а они, я полагаю, были не глупее А. Буслаева и его сторонников, научно делили коммунизм на две фазы – низшую (социализм) и высшую (коммунизм) и **нигде** не писали и не говорили о том, что можно создать вторую фазу сразу, минуя первую. Ведь это, извините, то же самое, что начать строить дом сразу со второго этажа, без первого. Мы были усилиями контрреволюционеров и собственной политической беспечностью отброшены назад, даже не в фазу развитого капитализма (империализма), а на его раннюю стадию – период первоначального накопления капитала. Правда, созревание российского капитализма идёт весьма интенсивно, и уже можно говорить о российском империализме. Так что приступать после победы второй социалистической революции сразу к построению коммунизма – это, как минимум, просто вредная утопия.

Второе, на что следует обратить внимание читателей, это то, что лозунг построения коммунизма за двадцать лет был провозглашён только на бумаге и словесно, а вот в жизни, на практике действовали, осуществ-

лялись диаметрально противоположные вещи. Это были действия по внедрению в нашу экономику рыночных вирусов, нарушение баланса размещения населения между городом и деревней, дискриминация сельского хозяйства, развитие теневой экономики, рост имущественного расслоения и многое другое.

Наконец, самое главное. Прежде чем строить коммунизм, а не «топтаться на его низшей стадии», необходимо, как минимум, совершить вторую социалистическую революцию. Её должны совершить народные массы, а не кучка «героев» вроде буслаевских сторонников. Период народничества российское освободительное движение уже проходило. Если верить А. Буслаеву, идеология построения коммунизма в кратчайшие сроки (меньше, чем в хрущёвские двадцать лет) «будет значительно привлекательнее для масс, чем то, что сегодня коммунисты предлагают массам в качестве альтернативы нынешнему капитализму»

Идеология вещь не только серьёзная и сложная. Она должна состоять ещё и из конкретных рекомендаций. А Буслаев и его единомышленники, которых я называю «сверхкоммунистами», в своё время устами И.В. Губкина уже предлагали в срочном порядке следующие послереволюционные «мероприятия». Например, организовать трудовые армии. Студентов, которые хотят стать инженерами, отправить без указания срока свинарями в совхозы или лесорубами. Изъять у населения все золотые и серебряные вещи. Представьте себе «восторг» женщины, у которой изъяли золотое обручальное коль-

цо. Ну, и другие подобные «мероприятия», которые, как полагает наш автор, будут «привлекательными для масс». Нет, такие левацкие «теории» не только не будут привлекательными для масс, а поведут к дальнейшей дискредитации в их среде коммунистической идеологии.

Ну, а теперь рассмотрим ту часть статьи, которую автор назвал «Возражение №2» (хорошо уже то, что автор хоть пытается учесть возможные возражения). Оно сводится к тому,

что коммунизм может быть построен только после победы **мировой социалистической революции**. Автор считает, что построенное у нас коммунистическое общество не будет беззащитным, т.к. можно **сохранить при коммунизме государство**, обеспечить нам «**пояс безопасности**» в виде **социалистического окружения** и, кроме того, мы будем в состоянии на основе высоких технологий создать оборонительное оружие более эффективное, чем нынешнее ядерное.

Спешу успокоить автора. Не позднее, чем через месяц после победы второй социалистической революции **весь** капиталистический мир обязательно начнёт против нас новый яростный поход, как это было уже в 1918 году. И, очевидно, понадобится не один год, чтобы только отбиться от самых яростных наскоков. О перспективах создания «социалистического окружения» можно судить по реакции не только национальной буржуазии, но и значительной части населения стран Прибалтики и бывшего «социалистического лагеря». Скорее здесь создастся капиталистическое окружение.

И, наконец, кто сказал, что против нас развяжут обязательно ядерную войну? Ещё в 60-70-е годы (точную дату не помню) на стол американского президента лёг доклад военных, суть которого сводилась к тому, что если США выпустят по территории СССР только 1/3 своего ядерного потенциала, а СССР не ответит ни одним зарядом, то даже это будет означать ядерное самоубийство для всего человечества. Ясное дело, что такой финал мировую буржуазию не устраивает.

Сама постановка вопроса о возможности «сохранения» государства (т.е. аппарата насилия) при коммунизме – показывает полное непонимание Буслаевым сущности коммунизма. Сохранение государства – это не просто сохранение каких-то видов труда (например, труда солдата или судьи), а сохранение **отношений**, свойственных **эксплуататорским** формациям. А фраза о «социалистическом окружении» выдает в Буслаеве **национал-социалиста**. Не удивляетесь, а представьте себе этот «коммунизм», допустим, для простоты, на территории нынешней РФ, тогда Украина, Молдавия, Болгария, Польша... войдут в «социалистическое окружение» (на самом деле перечисленные страны уже вошли или войдут в НАТО и ЕС, а «окружением» могут быть Брянская и Курская области). Это значит, что граждане стран «окружения» будут жить в условиях менее развитого и обеспеченного, более конфликтного общества, а рядом будет «коммунизм». Как Буслаев остановит поток миграции «в коммунизм» не ясно, наверно, с помощью «оружия более эффективного, чем нынешнее ядерное». Получиться может только система близкая к фашистской, в которой роль арийского происхождения будет играть прописка (тут Буслаев мог и «не ломать копья» - у него есть верный ученик Лужков). И вопрос здесь не только в практической невозможности такого общества, важнее другое – Буслаев допускает для коммунизма разделение людей по уровням жизни, применение насилия и создание аппарата для поддержания такого разделения.

Так всё-таки, что же это такое – коммунистическое общество?

Как показали Маркс и Энгельс, это **бесклассовое** и **безгосударственное** общество, в котором отсутствуют даже элементы какой-либо эксплуатации, где уважаются и соблюдаются интересы каждой личности и нет никаких преград для её развития и счастливого будущего, но всё это достигается через осознанный приоритет общественных интересов над личными и где, наконец, труд приносит только радость и удовлетворение, а потребности разумно ограничиваются.

А теперь представим себе, что в ближайшем будущем произойдёт вторая социалистическая революция и вдохновлённая зажигающей статьёй будущего научного светила А. Буслаева молодёжь поставит перед собой задачу быстрее, чем за двадцать лет (как у Хрущёва), ну, скажем, за десять лет, построить в нашей отдельно взятой стране коммунистическое общество. С чего же ей начать? Да и с кем начинать?

Допустим, для простоты решения задачи, что мировой империализм не пойдёт тут же на военную интервенцию, и не будет бросать на нас ядерные бомбы. Но уж «холодная война», не сомневайтесь, возникнет с новой удешевлённой силой. Иначе империализм перестанет быть самим собой. А нам в этих условиях добиться в кратчайшие сроки без применения насилия и ГУЛАГов активного, творческого и добровольного участия **всего** трудоспособного населения в восстановлении всего разрушенного демократами народного хозяйства будет весьма проблематично. Тем более, что разрушения таковы, что они на порядок превосходят разрушения, причинённые фашистами в ходе Великой Отечественной войны. Так кто же это всё будет делать? Бомжи, количество которых сегодня даже трудно подсчитать? Молодые ребята, которых по причине дистрофии, дебилизации и наркозависимости, как ни велика потребность, не берут в армию? Или девочки, которые, сосредоточив всё своё внимание на удовлетворении сексуальных потребностей «демократов», ходят полуголые с кольцом или другим предметом в носу, ушах и даже в языке? Тогда может быть те здоровые молодые люди, которые, отчаявшись найти денежную работу, нашли пути к

обеспеченной жизни в разбое, мошенничестве, вымогательстве и других криминальных занятиях? Или интеллигенты, уже показавшие свои способности на разрушении СССР, вместе с рыцарями теневой экономики? Или мелкие и средние бизнесмены и их потомки, которые десятилетиями при Советской власти не могли высунуться из своих затхлых закутков, изнывая от тайной ненависти к ней и, наконец, получившие долгожданную «свободу»? И вы хотите, чтобы вся эта орава за десять лет вот так просто превратилась в активных членов коммунистического общества? Это что, инфантильная наивность или патологический факт достойный клиники имени Кащенко?

Как верно говорили и писали К. Маркс и Ф. Энгельс, общественное бытие определяет и общественное сознание. Конечно, после победы второй социалистической революции будут созданы все необходимые организационно-экономические условия для достижения материального достатка и справедливого распределения по труду. Но процесс воспитания нового человека – задача труднейшая и долговременная. И не нам, коммунистам, это скрывать.

Ещё один вопрос. Каким образом коммунистическое общество будет удовлетворять разумные потребности своих членов? При помощи манны небесной? Так её, поверьте, не будет, так как это не более чем поповская охмурительная выдумка для Библии. Только трудом можно чего-либо добиться. А каково многие века в эксплуататорских общественно-экономических формациях было отношение к труду? Как оно воспитывалось? Что, труд считали делом чести и славы, делом доблести и геройства? Как бы не так! Посмотрите на экраны сегодняшних телевизоров. Кто сегодня главный герой на них? Верно, убийцы и проститутки, мошенники и насильники. Да и в прошлом, до Октябрьской революции в нашей стране, главным воспитателем отношения к труду была, да и сейчас является, церковь. Она учила и по сей день учит, что если человек не трудится, то он становится грешником и после смерти якобы должен попасть в ад и лизать там горячие сковороды. Вроде бы не плохо

придуманно. Но смотрим дальше. А вот если он всю жизнь безропотно гнул спину на богатых и сильных мира сего, то он становился праведником и после смерти определялся церковью в рай. Обратите внимание, только после смерти. Правда, вот только ещё ни один из покойников за тысячелетия ни разу не вернулся и не рассказал, верно всё это или нет. Тем не менее, посмотрим, а что же обещает церковь праведникам в раю, чем они там будут заниматься? И получаем ответ: ничем! Таким образом, человеку в награду за честную трудовую жизнь обещано... вечное безделье, т.е. именно то, чего он был лишён в материальной жизни. Круг замкнулся. Вот и не случайно, что в сознании людей чуть ли не на генном уровне прочно укоренились расхожие постулаты: «Работа не волк, в лес не убежит», «От работы кони дохнут» и тому подобные. А отношение к собственности? Как за короткий срок заменить в сознании каждого человека его маленькое частнособственническое «моё» на большое коммунистическое «наше»?

Так можно ли эти убеждения в корне переломить даже за двадцать лет, т.е. меньше, чем жизнь одного поколения людей? Жизнь показывает, что на это не хватит и даже шести десятилетий. Ведь тысячелетиями счастье, благополучие в жизни были намертво связаны и определялись количеством барахла в пользовании человека и его семьи. Не случайно и то, что большинство даже русских народных сказок завершаются фразой: «И стали они жить-поживать да добра наживать». А у народов Востока мужчина, порой вынужден был ходить до седых волос холостяком, потому что не мог уплатить калым за невесту.

В заключение хочу напомнить один эпизод из нашей недавней истории. Во времена опубликования «очень правильной», по мнению А. Буслаева и К, Программы КПСС, выхода первых советских людей в космос и известного призыва Хрущёва «Обогащайтесь!» космическая тема стала самой популярной. Учитывая это, чешские кинематографисты создали кинофильм в ещё новом тогда жанре научно-фантастической кинокомедии. Назывался фильм «Человек первого века».

Фабула фильма такова. В те времена на фоне эйфории выхода человека в космическое пространство среди обычных людей считалось, что дальний космос довольно легко доступен человеку. Поэтому в фильме показано, как на одном из ракетодромов готовится к старту на далёкую звезду ракетоплан. В ракете производил подготовительные работы некий полировщик, человек обычного среднего уровня интеллекта. Вдруг случайно он нажимает пусковую кнопку и улетает один к далёкой звезде. Там его встречают мыслящие существа, дают ему сопровождающего для обратного полёта и через два года ракета возвращается к месту старта. На Земле за это время прошло несколько столетий и наступило развитое коммунистическое общество. Поэтому наш полировщик с маху попадает прямо в коммунизм. На всепланетной пресс-конференции, посвящённой его полёту, первое, чем он стал интересоваться – это о том, что ему за его полёт будет «положено». «А что вам, собственно, нужно?» - спросили его. «Да костюмчик не мешало бы заменить», - отвечал «герой». «Пожалуйста», - был ответ. Тут же на него опускается ширма и через несколько секунд «герой» уже в новом костюме. «Что вам ещё нужно?», - спрашивают его. «Да домик не мешало бы построить», - отвечал «герой». И перед ним разворачивают альбом, по которому он выбирает один из проектов. Тут же показано как робот собирает ему из готовых блоков дом. После этого ещё несколько своих пожеланий «герой» пишет на записках и опускает их в

щель машины, выполняющей заявки людей будущего.

Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Перед зрителями разворачивается панорама большого зала, в центре которого машина, а возле неё наш «герой». Он держит в руках словарь, отрывает страницу за страницей и опускает в щель машины. Но машина есть машина, она не рассуждает, а выполняет. В глубине зала стоят уже тюки величинной с небольшой одноэтажный дом. Из-за одного тюка выглядывает голова живого жирафа, которого наш «герой» затребовал по словарю для индивидуального пользования. По тельферу идёт очередной тюк, а наблюдающие со стороны за всем этим люди будущего обмениваются между собой репликами: «А он ведь того...». И вертят пальцем у виска, обозначая всем известный жест.

Так вот, если бы вы оказались на месте этого «героя», то вели бы вы себя таким же образом? Нет, конечно, человек при резкой, сверхкоммунистической отмене денег не будет класть в столовой в свой суп столовую ложку соли только потому, что она бесплатная. Но вот если он сможет взять без ограничения ну, скажем, костюмы, то будьте спокойны, он наберёт их столько, сколько сможет унести, а милые женщины будут набирать по грузовику разных нарядов. Так что воспитание разумных потребностей, без чего не может быть коммунизма, задача не из лёгких и никаким буслаевым кавалерийской атакой её не решить.

Март 2005

ЛИСТОВКА

ОБ ОТНОШЕНИИ К
ВЕРУЮЩИМДж. М. НейтекПеревод с английского - С. Зубатов

Есть одна важная тема, на которую уже писали, много раз писали, вновь и вновь... но не так часто на неё писали так, как следовало бы. Это тема религии. Или, более точно, тема терпимости по отношению к религии. Не так давно я обратил внимание, что христиане в особенности любят примерять на себя образ «притесняемого меньшинства», смотреть на себя именно под этим углом, хотя их вера давным-давно перестала быть таковой — ещё когда она превратилась в официальную государственную религию Римской Империи (при Константине).

Меня лично обвиняют в том, что я не принимаю людей такими, какие они есть, или считаю, что я лучше их, поскольку я, будучи атеистом, чувствую себя умнее их и т.д. Мир вдруг предстаёт в виде в глобальной империи оголтелых атеистических фанатиков, не желающих понять горстки миролюбивых верующих, и всё это просто-таки ужасно несправедливо.

Выглядит так, как будто христианство существует лишь в небольших закутках, населённых твердокаменными последователями да в интернете.

И нам говорят, что они проповедуют любовь, и мы все должны терпеть это исключительно крупное «притесняемое меньшинство» по причине нашего понимания необходимости разнообразия.

Что мне хотелось бы пояснить, это почему я, будучи порядочным и понимающим человеком, вовсе не чувствую себя обязанным менять свою точку зрения и почему мы все должны быть против распространения религии. Мне бы **хотелось** поговорить об истории христианских институтов и преследования ими всех, кто хоть слегка отходил от них в любую сторону, начиная ещё со времён Моисея и кончая сегодняшним днём. **Но:** всё это на самом деле бесполезная информация, когда ей противопоставляется простень-

кая установка типа «все те люди неадекватно представляют христианство». (Это чертовски странно, как это большинство группы не представляет группы.) К сожалению, тут я вынужден согласиться, поскольку я могу привести несколько примеров из истории, когда социализм также был представлен неадекватно. Хотя если поспорить, если поставить рядом для сравнения все акты насилия и репрессий, совершённые социалистами за последнюю сотню лет, и все акты насилия и репрессий, совершённые одной лишь католической церковью за любую наперёд заданную сотню лет... я думаю, я по-прежнему окажусь на правильной стороне. (Даже если вы купились на изложение истории в версии Дж. Эдгара Гувера, в которой Сталин лично казнил сто миллионов человек, избивая при этом всех младенцев и топчась по мордочкам всех котят.)

Всё это я говорю не просто так, а конкретно вот к чему:

Причина, по которой мы, просвещённый народ (атеисты), :) а в особенности — мы, социалисты, должны позиционировать себя как радикальных противников распространения религии, лежит не в том, как она учит своих последователей обращаться с неверующими, а в том, как она учит своих последователей *относиться* к тому, что делается с ними самими и с людьми Земли в целом: христианство учит, что человек по природе своей мерзок и для него невозможно спасти себя. Оно учит, что не приняв Христа и не смирившись с тем ужасным миром, в котором мы живём, человек в принципе не может рассчитывать на то «великое после», в котором наконец-то будет покончено с любым угнетением. При таком мировоззрении мы неспособны хоть сколь-нибудь радикальным образом улучшить нашу жизнь и жизнь окружающих нас людей. Учение Христа велит нам подставить другую щёку, любить наших врагов и отдать Кесарю ке-

сареву. Вообще, учение Христа велит огромному большинству людей, что они должны принять свою судьбу батраков высшего класса и что их удел в жизни — выносить всё и любить, как это делал Христос, и что когда-то, после смерти, они обретут покой. «Всё это испытания и кары господни», говорят нам, и, процитировав одного моего друга, я бы хотел спросить у всех вас: «А не обращали ли вы хоть раз внимания, насколько сильно эти испытания и кары зависят от классовой принадлежности?» И, правда, страдания трудящихся масс в сотни тысяч раз больше, чем страдания привилегированных классов.

Что же, в таком случае, представляет из себя проповедь Христа, если подойти к ней с социэкономических позиций?

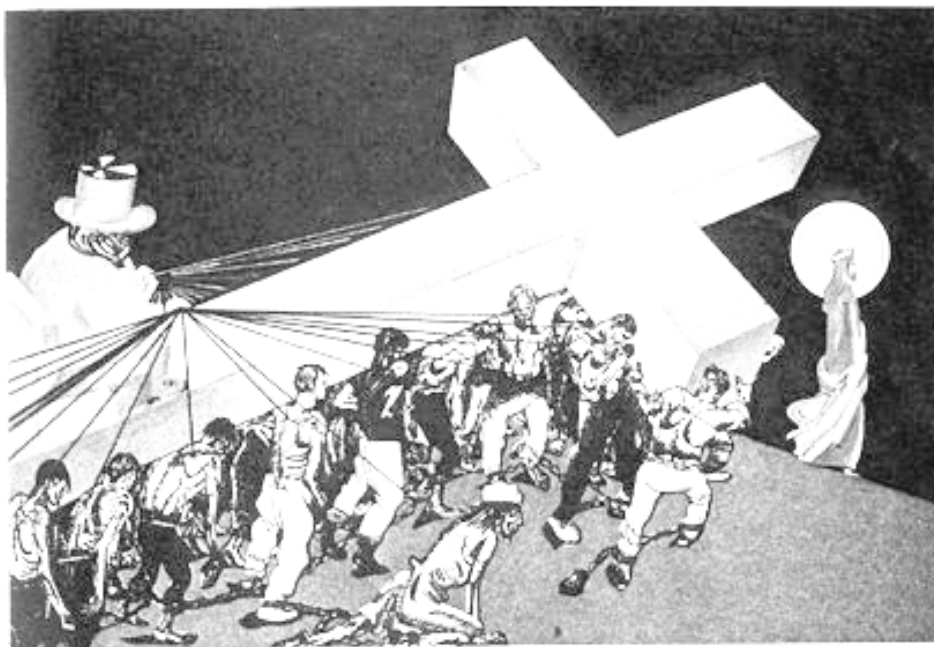
«Подчиняйтесь хозяевам, рабовладельцам, царям и (ну надо же!) попам, поскольку именно так должно быть, и тогда когда-нибудь, если вы будете себя хорошо вести, всё это кончится, и мы все будем дружно жить в раю... где все будут равны.»

Вы ежедневно слышите из уст последователей Христа: «Я научился смиряться с любым положением.» Или: «Наше сокровище — в раю». Или ещё какое-нибудь бессмысленное отмахивание от проблем реальной жизни.

Когда Маркс сказал, что религия — это опиум для народа, это была не просто броская фраза, призванная придать этакую яркость его вари-

анту социализма. Это, будь я проклят, чистая правда. Не будь этой, совершенно абсурдной идеи, что адекватный и достойный образ действий перед лицом угнетения — это отворачиваться от реальности, что ещё осталось бы делать перед лицом угнетения? Восстать и **покончить** с этим угнетением. Вот и всё, проще некуда. Христианство учит нас удовлетвориться нашим уделом в жизни, при том, что вы прекрасно знаете, хозяева и диктаторы и так удовлетворены своим.

Мы, просвещённые, обязаны понять всё это, а затем приложить все усилия не только к противодействию религии, но и к терпеливой борьбе в этом ключе с последователями религии, имея

в виду, что мы сможем переубедить часть из них. Много хороших людей религиозны, будучи при этом на нашей стороне против всех форм угнетения. Некоторые из них могут так никогда и не понять, что они стоят двумя ногами по разные стороны черты, но мы обязаны приложить усилия и *заставить* их увидеть это...

Декабрь 2004

ЮМОР

ЖЕРТВЫ ВЕЛИКОГО ПОСТА

(религия опасна не только для
носителя, но и для окружающих)

*по материалам сайтов
WWW.REALIGION.RU и WWW.KP.NNOV.RU*

Великий пост довел до аварии. В Нижнем Новгороде глубоко верующий водитель троллейбуса допостигся до голодного обморока за рулем и чуть не отправил на свидание со своим горячо любимым богом не только себя, но и пассажиров в троллейбусе и на остановке.

18 марта в 10 часов утра на центральной площади Нижнего Новгорода - площади Свободы в остановку врезался троллейбус № 9.

- Я только услышала, как кто-то закричал: разбегайтесь! - рассказывает продавщица Елена, чей ларек расположен в метре от остановки. - А один парень успел вытащить буквально из-под колес женщину с дочкой. Если бы не он, их точно задавило бы!

Как ни странно, обошлось без жертв. Только водителя Андрея Ляпина с сотрясением мозга отправили в больницу. В свои тридцать пять Андрей уже 12 лет водит сохатого. В тот день для

него это был уже второй рейс. Первый отработал без проблем, а вот потом...

- Сам не понял, что произошло, - удивляется Андрей. - Очнулся и не понимаю, где нахожусь.
- Так ты сознание потерял?
- Да, от голода, наверное.

Андрей - человек глубоко верующий и все православные посты соблюдает по полной программе. Главный из них, Великий, начался в понедельник, и до выхода в этот рейс Ляпин три дня сидел на одном абсолютно постном чае (первая и последняя недели поста самые строгие).

Забавно. Пост только начался. То ли ещё будет.

**Фотография с места событий:
разбитая остановка
искореженная кабина троллейбуса.**

Редакция журнала «Прорыв»

**Мартынов Ю. М.(гл.ред.), Подгузов В. А.(зам.гл.ред.),
Петрова О. Б.(тех.ред.), А.Лбов, В.Шпаков.**

Наши контакты:

Почтовый адрес : 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева,
дом 15, корпус 1, квартира 79,
Петровой О.Б.

Электронные адреса: editors@proriv.ru, petrova@proriv.ru

Телефоны: 378-37-59 Петрова О. Б.
387-16-00 Мартынов Ю. М.

Посетите наш сайт в Интернете www.proriv.ru.

Там вы найдете статьи наших авторов в рубриках: экономика, политика, философия, этика, история, военные вопросы, рецензии и критика, политическая публицистика, юмор, большую подборку коммунистической музыки.

На наш журнал можно подписаться. Для этого нужно написать в редакцию письмо или связаться с ней по телефону, и с этого времени Вы будете получать наши журналы по почте или лично. Цена одного экземпляра с учетом почтовых расходов 25 рублей.

Редакция работает на общественных началах. Рукописи редакцией не рецензируются, не редактируются, не корректируются и не возвращаются.

Зарегистрирован Центральным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Свидетельство о регистрации ПИ №1-00915 от 20 декабря 2002 г. Учредитель Петрова О.Б. Цена свободная. Тираж 1000. Объем 50 стр. формата А4. Подписано в печать 04.04.05